

АНТОН ЕРХОВ
ЕВРОПА

ИЩУ
ПРОДАВЦА-
КОНСУЛТАНТА

Антон Владимирович Ерхов

Европа

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42007133

ISBN 9785449650603

Аннотация

В «Европе» нет героев и предателей, зато в ассортименте покупатели и продавцы всех типов и размеров. И жизнь – с её мистикой и анекдотами, штрафами за неопрятный вид и неизбежными бонусами. Читайте ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ РОМАН о супермаркете электроники и узнайте, как продавцы называют толпящихся у входа, какие стиральные машинки выбирают глухонемые, что происходит, когда аноним сообщает о бомбе, зачем на ценниках ставят точки и обязательно ли быть везучим, чтобы стать первым по выторгу. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

1. Летнее солнцестояние	8
2. Осеннее равноденствие	131
Конец ознакомительного фрагмента.	163

Европа

Антон Владимирович Ерхов

*Где нет перемены, нет и бытия.
Из лекции Ф. И. Щербатского, прочитанной
в Петербурге в 1919 г. в рамках выставки буддийского
искусства.*

*Семья стиральных машин всё разрастается
и совершенствуется.
Из заметки в февральском номере журнала
«Техника – молодёжи» за 1959 г.*

© Антон Владимирович Ерхов, 2019

ISBN 978-5-4496-5060-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Когда они вернулись, Игорь Ждан только-только закончил переоценку. «Профилактическую», как выразился Халин – ведомость на десять пунктов, из них две стиралки. Обе подешевели на пятёрку. Непонятно зачем. Тем более – цены не переступили никаких психологических рубежей, не стали, например, тысяча девятьсот девяносто восьмью вместо две тысячи трёх.

– А это снова мы, – сказала женщина.

Игорь кивнул. Хотел добавить «И снова здравствуйте» из анекдота, но не стал.

– Давай посмотрим ещё раз, – прямо таки скомандовал мужчина.

По классификации Шевеля это были «моська» и «физкульт-привет»: «Очередной, блин, физкульт-привет – весь такой на подрыве, бодрячком, со старту обращается на ты: помчали к тому холодильнику, теперь к тому, до-стань, покажи-расскажи. А моська бежит рядом и что-то подгавкивает»... Шевелевских кличек хватило бы на словарь: наш-друг-пиши-читай («и охрану он знает, и опт знает, и директора – с тем учился, на той женился»), салоды («привет из Кацанетовки»), студентки-институтки («щеки красные и в пол смотрят»), терминаторы («зимой, блядь, в тёмных очах»), а ещё – бобры, тёти-аси, кулибины, и ещё, ещё, ещё.

Мужчина быстро зашагал между рядов, за ним – жена, а Игорь, который вроде должен был идти первым, замкнул процессию.

– Ой, – испугалась моська, – а где?

– Вот, – Ждан показал на аристон аквалтис (в обед, когда выставляли новую технику, его передвинули метра на полтора), – ждёт вас.

Физкульт-привет открыл люк, вытащил инструкцию, но тут же закинул обратно.

– Как думаешь, – спросил он Ждана, – стоит взять?

– Не пожалеем? – добавила моська.

– У меня самого аристон, – зачем-то сказал Игорь, – только другая модель, узкая.

Он никогда прежде не пользовался этим приёмом, да и вообще считал какой-то пошлостью говорить, что у него такая машинка, у брата – такая, у кума-зятя – такая. Даже если покупатели спрашивали в лоб, а что у вас за стиралка, Ждан обычно отшучивался, что себе на стиралку ещё не заработал – сапожник без сапог... Вот Селиванов, например, всегда добавлял: «сестре год назад посоветовал, и ни разу не жаловалась», «друзья недавно купили», «у меня тоже элджи».

– У тебя не аристон, – покачал головой мужчина, – у тебя занусси.

Никаких претензий – «кому ты врёшь?» – простая констатация. Игорь вздрогнул.

– Механика, – продолжил физкульт-привет, – почти как та, восемьсот двадцать вторая, только с тремя ручками, у тебя можно отжимать регулировать, и на тысячу оборотов. Модель – десять тридцать два. А механику взял, потому что – проводка дома хреновая, свет постоянно мигает. И брал, кстати, не здесь, – мужчина кивнул на дверь, – у конкурентов, через дорогу – ты почему-то думаешь, что покупать в своём магазине неправильно, хоть и скидку можешь хорошую выбить.

Игорь увидел свою занусси, полногабаритную, десять

тридцать два, стоящую на кухне между плитой и мойкой.
– Так что? – спросил мужчина. – Стоит взять аристон?

1. Летнее солнцестояние

В «Европу» он устроился через полгода после открытия. К тому моменту супермаркет сменил корпоративные цвета с евросоюзовских – жёлтого и синего – на красный и белый, стандартные для магазинов быттехники в городе (кроме, пожалуй, салатного «Комфорта», но это отдельная история). С логотипа «Европы» исчезли звёздочки, а значок евро стал буквой «Е».

Улица Космонавта Добровольского, вернее её часть – от метро и до кольца – была настоящей уолл-стрит торговцев техникой. Здесь находились филиалы «Дома Электроники», «Аудио-Видео», «Цифрового центра» и «Мира бытовой техники». И пока ещё одиночки: «Холодильники & Со.», «Технократия». И «Европа». Не говоря уж про чепэшников – с десятков маленьких магазинчиков, как правило, узкоспециализированных – кондиционеры, телефоны, компьютеры. Впрочем, все они прятались или во дворах, или на примыкающих улицах – на Космонавта Добровольского висели лишь таблички-указатели: «Вход через арку», «20 метров», «За автомойкой».

У супермаркета «Европа», в отличие от других, занимавших полуподвалы и первые этажи жилых домов, было своё здание. Когда-то цех табачной фабрики, который новые владельцы – Бритиш-Американ Табако или Филлип Моррис –

почему-то не выкупили. Года три этот бывший цех стоял заброшенным, с выбитыми стеклами – выглядел особенно унылым на фоне отреставрированных корпусов табачки, обшитых сайдингом – пока его тоже не выкупили и не отремонтировали.

Несмотря на то, что супермаркет открылся всего полгода назад, «Европа» не была новичком на рынке. «Европейцы» торговали бытовой техникой в городе с середины девяностых – холодильники в ЦУМе, телевизоры и хай-фай в «Детском мире», компьютерный отдел на «Стоке». А потом все эти феодальные княжества решили объединить в одно, как Германскую империю в 1871 году.

Во сне у них были имена. Простые или странные, а иногда смешные.

Собеседование назначили на десять. «Игорь Ждан?» – спросил женский голос по телефону. «Да», – ответил Игорь. «Мы рассмотрели ваше резюме. Сможете подойти завтра?»

Отдел кадров был почему-то не в административной части супермаркета (там, где директора и менеджеры), а через дорогу, в гостинице, на пятом этаже – несколько комнатушек за металлической дверью с домофоном.

Гостиница совсем не выглядела гостиницей, ни снаружи, ни внутри. Скорее – какой-нибудь НИИ: фасад «под линейку», просторный, но невзрачный холл, гипсовый барельеф

во всю стену – солнце-люди-поезда-трактора; лестница с широкими деревянными перилами, длинные коридоры и много-много белых дверей, к которым прибиты алюминиевые циферки. Сложно представить, что кто-нибудь когда-нибудь останавливался здесь на ночь – даже командировочные, приезжающие уж точно не за комфортом; всё равно, что ночевать на работе: «Одно место есть у проектировщиков, а вам постелем в бухгалтерии».

Менеджера по персоналу звали Оксана. Невысокая, чуть полноватая, с короткой стрижкой (боб или типа того), сдержанной улыбкой и блеском в глазах, как у массовика-затейника.

– Присаживайтесь, Игорь, – сказала она и, едва касаясь, провела карандашом по его резюме. – Институт, че-пэ, че-пэ... Опыта, я вижу, у вас нет, – Оксана постучала карандашом по столу.

– Я почти год проработал реализатором, – не согласился Ждан. Он старался вести себя так, как учили в журналах: не разваливаться на стуле, но и не облокачиваться на стол; смотреть на рекрутера, но не пялиться; уверенно отвечать на вопросы, не суетиться и не мямлить.

– Это – не тоже самое. Во-первых, «Европа» – весьма крупная компания. Здесь потребуется общаться не только с клиентами, но и с другими отделами, складом, доставкой, сервисом. Необходимо видеть задачи компании в целом, уметь действовать от лица всей фирмы. Во-вторых, –

Оксана отложила резюме, – знание техники.

– Насколько я понимаю, – сказал Игорь, – время на изучение у меня будет.

А потом пошли вопросы, стандартные для любого собеседования, к которым обычно и готовишься, главное, чтоб ответы не звучали зазубренными и чужими. «Почему вы обратились именно в нашу компанию?», «Почему уволились с предыдущего места работы?», «Кем видите себя через полгода, год?», «Какие свои достижения считаете главными?»

«Расширяющаяся компания, – говорил Игорь. – Возможность карьерного роста. На прошлой работе этого не было. Старшим продавцом».

Беседа напомнила ему утренние новости – бизнес или деловые, которые отец прозвал «графики и диаграммы». «А как вы оцениваете перспективы региональных игроков именно в этом сегменте ритейла?» – спрашивала ведущая. «Учитывая общий тренд, – отвечал гость, – я не вижу поводов для оптимизма».

– Для вас принципиален *рост*? – спросила Оксана.

– Я бы сказал – развитие, – ответил Ждан.

– Реализация? Самореализация?

Оксана спросила про свободное время и хобби, что-то ещё, затем попросила нарисовать несуществующее животное. И дальше – про эту зверюшку. Как зовут? Добрый или злой? Есть ли друзья? Есть ли враги? Где живет? Куда идёт?

– В целом, – сказала Оксана, – я не против вашей канди-

датуры. Если начальник о-бэ тоже одобрит, с завтрашнего дня начнётся стажировка... Олег Борисович сейчас на месте, дверь напротив.

«Главное о-бэ пройти, – сказал на днях Халин. – Оксана – нормальная девчонка, а вот с о-бэ...» «Что за о-бэ?» – спросил Ждан. «Олег Борисыч. Отдел безопасности. Вот там попарят мозг».

Игорь постучал и приоткрыл дверь. Внутри был полумрак. Шторы на окнах задернуты, да и сам кабинет – коричневый ковер на полу, серые обои, дубовый стол... После комнаты Оксаны – белой, солнечной – казалось, здесь и вовсе – тьма кромешная.

– Входите, – сказал голос из темноты.

Игорь вошёл. Глаза быстро привыкли к освещению. На самом деле – не так и темно.

– Ждан? – Олег Борисович встал и одернул одну штору.

Вторую оставил.

– Да, – ответил Игорь.

Окна выходили на запад, так что утром – никаких прямых лучей, но всё же стоявшие на столе часы, пресс-папье и статуэтки, подставки для ручек, визитницы – словно сжались. И весь кабинет будто бы насторожился – солнце здесь явно недолюбливали.

– Присаживайтесь, – начальнику о-бэ было за пятьдесят. Поседевший, но без залысин. На лбу – глубокая морщина. Густые брови. И взгляд как у старого лиса. – В армии слу-

жили?

– Нет, – сказал Игорь.

– А почему не служили?

Ждану нечасто доводилось разговаривать с людьми в погонах (пусть даже одетыми по-гражданке – бывшими, которых не бывает), и всякий раз у него либо спрашивали непонятно что, либо непонятно в чем пытались обвинить.

– Учился, – сказал Игорь, – в техникуме, потом в институте. Исполнилось двадцать пять – получил военник. Я в отдел кадров приносил все документы.

– Да-да, – сказал Олег Борисович, – я видел, – он вытащил из стола какую-то папку, открыл и стал перебирать бумажки. – Много заплатили?

– Кому? – не понял Ждан. – За что?

– В военкомате. За военный билет. Уж и не знаю кому.

– Исполнилось двадцать пять – сходил и получил. Я ещё в институте учился. Была отсрочка.

Олег Борисович вытянул из папки листик и протянул Игорю. Ксерокопия военника. Фотография, фамилия-имя-отчество, дата рождения, специальность, печати, подписи, с 2003-го – приказ такой-то – переведен в запас.

– Ну? – спросил Ждан.

– Написано: военкомат Московского района, а печать стоит Ленинского.

– А, – сообразил Игорь. – Их же объединили. Я получал уже в Ленинском, на Профсоюзной.

– Пусть это будет на вашей совести, – Олег Борисович забрал листик и отложил в сторону.

Идея с совестью Игорю совсем не понравилась.

– Можно позвонить им, – сказал он. – Пусть подтвердят, что в том году...

– Откуда вы знаете Халина? – перебил Олег Борисович.

– Учились вместе.

Начальник о-бэ улыбнулся – куда-то в сторону, будто кому-то третьему – и покачал головой.

– Учились – и не пошли в армию. Учились – и познакомились с Халиным.

Игорь пожал плечами. Что тут скажешь.

– Просто мы о вас ничего не знаем, – продолжил Олег Борисович. – Институт, а потом какие-то че-пэ... Кто вы? Что вы?.. Ладно, поверим Халину. И его рекомендациям.

Ага, подумал Ждан, пусть будет на *его* совести.

Задав ещё пару вопросов, теперь в духе Оксаны – почему ушли от чепэшника? кем хотите стать в «Европе»? – Олег Борисович написал на фирменном бланке: «Против зачисления Игоря Ждана не возражаю» – и поставил размашистую подпись.

«Спасибо. До свидания». Ждан почувствовал себя, как в институте после сдачи гэ-о – тоже отставному военному: в кабинет по одному, а там – кто играл с гэошником в шашки, кто мерялся силами на руках, кто отжимался на спор – *слабо двадцать пять раз?..* Минут через пять – неважно

победил ты или проиграл – подпись в зачётке; лица одноклассников, тех, кто ещё в очереди: «ну что?» – и стойкое ощущение идиотизма происходившего.

Игорь спустился на первый этаж, вышел на улицу. И только теперь, казалось, понял, что уже середина июля, что лето перевалило за экватор. Дальше – как велосипедист с горки – всё быстрее и быстрее: к сентябрю, дождям, в осень.

С прошлой работы Ждан уволился в конце мая, или, правильно сказал Олег Борисович, – просто ушёл, официально оформления не было – так что ни приказов, ни заявлений, ни отметок в трудовой. Сразу же стал звонить по объявлениям, ходить куда-то. Вроде бы – уйма свободного времени, жарыща, красота – но лето для Игоря всё не наступало, он будто не мог найти ту самую дверь. Пока вдруг не оказалось, что она – обычная алюминиевая – вход-выход в гостинице.

Асфальт «дыхав спекою», час-другой, и может быть, замелькают миражи, как на Е-105, когда едешь на море – словно лужи после дождя или просто разлитая вода.

Игорь подождал зелёный свет, перешёл через дорогу.

Халин курил у входа в «Европу». Униформа заводелом – серая рубашка, заправленная в чёрные штаны; блестящие на солнце туфли.

– Привет, Андрей, – сказал Ждан.

– Привет, Игорь-джан, – Халин посмотрел на листок. – Оби написал о-кей? – он усмехнулся своей шутке. – Поздравляю! Добро пожаловать в ритейл! – и пожал Игорю руку.

– Или всё же – рé-тейл?

– Я как-то специально рылся в сети, – сказал Андрей. – Кто как пишет. Кто ритейл, кто ретейл. И не просто на форумах – и в книжках, и в словарях. Хотя чаще всё-таки «ри», – он бросил окурок в урну. – Завтра к девяти давай. С того входа. Скажешь охране, что новенький, или пусть меня позвуют... Кстати, возьми с собой туфли и чёрные штаны.

«Блин», – тут же подумал Игорь.

– Игорян, твою мать, – скажет Халин следующим утром. – А других туфель не нашлось?

Ждан пришёл без пяти или даже без пятнадцати девять – с пакетом, в который сложил штаны и туфли. Попросил охрану позвать Андрея, зашёл с ним внутрь.

«Вообще, – сказал Халин, – без пятнадцати надо быть уже в зале. Так что прикидывай время, чтобы успеть переодеться и спуститься. Некоторые приходят чуть ли не к восьми, пьют кофе перед работой, общаются. Но тут уж смотри сам. Охрана начинает пускать где-то в полвосьмого».

Магазин открыли для посетителей. Внутрь сразу же вошли человек десять, ждавшие у дверей – молодёжь (все как один с банками колы); толстая женщина в шляпе, обмахивающаяся журналом; средних лет пара с детишками-близнецами; мужик в эмчээсовской форме – прошагали мимо камер хранения, стола проверки техники, касс, свернули перед ин-

фо, прошли через калитки-турникеты, и растворились в супермаркете.

«Подожди пока здесь, – Халин поднял руку и покрутил пальцем. У спецназа этот жест означает „на позиции“. – Схожу нарою тебе футболку, а потом придумаем что-нибудь со шкафчиком».

Через неделю Игорь привыкнет к правильным названиям: зона входа, кассовая зона, предкассовая... Та же территория, где он ждал Андрея – от входа в магазин (открываются автоматически) и до входа в торговый зал (отвори калитку сам) – звалась зоной входа-выхода. Белая дверь между отделом проверки и обменкой вела в административную часть: к начальству, менеджерам, раздевалкам, столовке – «стафф онли».

Эмчээсник оплатил на кассе чайник, показал чек охраннику и подошёл на проверку к скучающим техникам. Один из них тут же подхватил коробку – открыл, вытянул гарантийный талон.

Халин вернулся минут через пять. «Держи, Игорь-джан, – сказал он и протянул мятую красную рубашку-поло на трёх пуговицах (все почему-то звали их футболками), – должен влезть. Идём». В отделе мелкой бытовой Андрей попросил девушку, стоявшую за гладильной доской и демонстрировавшую какой-то утюг с отпаривателем, прогладить поло: «Терани, плиз, пару раз». Девушка была одета не по форме – в серой юбке и белой блузке, да и бэйджик не как у всех –

розовый. «Прома», – пояснил Халин.

Ждана подселили к Диме Сотнику. «Димон, Болоцкий ведь с тобой был в шкафчике?» «Да», – без особого энтузиазма ответил Дима. «Принимай тогда нового соседа».

Казалось, Сотника вытащили из комедии про укурков. «Йоу, – поздоровался он и, как-то хитро помотав рукой, хлопнул Игоря по ладони. – Как раз и ключи вторые остались».

«Не долго я один потусил», – сказал Дима уже на лестнице. И сразу спросил: «Про штрафы тебе рассказали?» «Нет», – сказал Ждан. «Небритость стоит два доллара, – Сотник шёл впереди, но постоянно оборачивался, – то же и прочая неопрятность – грязная футболка, штаны, нечищенные туфли, бардак на голове. Болтовня по мобильному, если докажут, что личная – пятерка, а то и выше. Ставь на вибро, чтобы никто звонка не слышал». – «Опоздания?» – «Там хитрая система. За первое – два, за второе – четыре, за третье – восемь... В конце месяца счетчик обнуляется, и опоздания снова начинаются с двух баксов. Прогул, к слову, стоит двадцать». – «Второй – сорок?» – «За второй в одном месяце, наверное, на фиг уволят». – «А что, прогуливают?» – «Вообще, прогул – это опоздание больше, чем на два часа... Болоцкий отгребал, – Дима легонько постучал кулаком по стене. – Ну и я тоже...»

Мужских раздевалок было три. «Нам в дальнюю», – Сотник вытянул из кармана ключи.

Два ряда красных шкафчиков и окно с видом на парковку. Дима открыл одну из дверок, перевесил рубашку на тремпель к джинсам, освободившийся протянул Игорю, затем провёл рукой по полке и достал вторые ключи.

«Кроме того, – сказал Сотник, – штрафуют за пыль на технике, ценники не на месте, невыставленный товар, непроведённую переоценку. Нельзя шататься по чужим отделам, собираться больше двух... Ладно, – Дима вынул ключ из замка, – переодевайся, закрой тут всё и в зал».

Игорь достал штаны – прежде надевал их лишь раз – на выпускной, для этого они и покупались. Хорошо, что не поправился с тех времен, а то пришлось бы вчера непонятно у кого одалживать деньги и бежать в магазин. С туфлями вышло хуже. Придя домой после собеседования, Ждан отыскал коробку с ними на антресолях (туфли тоже покупались на выпускной, правда, носились почаще, чем штаны) – протёр, померил – всё в порядке... Фух... И только утром заметил, что на одной подошве (левая-толчковая) – дырка; не просто трещинка, а дыра – большая и насквозь – будто мышь прогрызла. Хрен его знает, как не заметил с вечера. В конце концов – не кроссовки же обувать со штанами – Игорь нашёл другие: то ли туфли, то ли шлёпки – светло-коричневые, полуоткрытые, потёртые, но с целыми подошвами.

– Если кто из начальства увидит, – сказал Халин, – что у меня продавец в такой обуви – будут до завтра всем соста-

вом насилловать.

– В извращённой форме, – подсказал стоявший рядом продавец. Худой, высокий.

«Чижев Константин» – прочитал Ждан на бэйджике.

– Игорь-джан! – Андрей потоптался на месте, ещё раз поглядел на обувь Ждана. – Чёрные туфли, а не рыжие сандали.

Костя рассмеялся.

– Давай никому особо на глаза не попадайся... Так, – Халин шагнул в сторону, чтобы не загоразивать Чижева, – это – Костян, это – Игорь.

«Очень приятно», «взаимно», пожали друг другу руки.

– Он будет тебя стажировать. Расскажет по технике, что тут вообще к чему – что можно, что нельзя. Как продавать. Короче, сделает из тебя настоящего джедая... Если всё пойдет нормально, недели через три переведём в продавцы – будешь бомбить на себя, зарабатывать бабки. А пока что – записываешь продажи на него, – Халин похлопал по карману, – оплачиваешь репетиторство.

Имена, как правило, исчезали первыми – отклеивались от лиц-фигур-силуэтов, будто этикетки от банки, если подержать её под струёй горячей воды. Точно были знакомы, но как зовут не вспомнишь... Впрочем, сейчас случилось иначе – и слава майтреи, – вряд ли кому хотелось вспоминать эту недовольную физиономию, зато имя – Мариэтта – отклеившись от человека, стало ещё одной штукой,

которую можно забросить в стол – к приглашению на семинар, ключам от старого ящика, непригодившимся фотографиям три на четыре, и приехавшему с посудомойкой бейджику какого-то китайского рабочего.

Предстояло много чего выучить. И усвоить.

– Во-первых, – сказал Чижов, – технику продаж; во-вторых, саму технику – стиралки, холода, кондёры, водогрейки, встройку, – перечисляя, он загибал пальцы. – И в-третьих, основное, – поднял палец вверх, – даже основополагающее – стандарты – правила поведения.

Ждан усмехнулся.

– Кстати, не шучу. По ним придётся сдавать экзамен, целой комиссии.

Косая улыбка застыла на лице Игоря. До него как-то не хотела доходить мысль, что главное твоё качество, то, за что тебе собираются платить деньги, – это умение себя вести. Всё равно что в вузе на вступительных экзаменах у абитуриентов брали бы их школьные дневники и смотрели оценки за поведение: «Ага, в первой четверти тройка. О! Родителей вызывали!» Хорошо хоть, подумал Ждан, в отделе кадров не попросили сделать реверанс и разложить ложки-вилки по всем требованиям этикета. Или такое – для кандидатов в менеджеры?

От а-вэ (аудио-видео отдела) крупную бытовую отделя-

ли двухэтажные ряды коробок – товарный запас стерео-центров – Альпы, за которыми Италия и Швейцария: невысокие стеллажи с плеерами и всякой мелочёвкой; и – телевизоры, телевизоры, телевизоры: во всю стену, как у Архитектора в «Перезагрузке», только настроенные на разные каналы – будто пятнами: вот пятно «М1» (три подряд, и два чуть выше), вот – «Перший» (один под другим), вот – какой-то спортивный... Звук, к счастью, включали только для «созревших» покупателей. И сразу же убирали.

«Для меня, – сказал Чижов, – другие отделы – как соседи по даче. Видишь их участки, знаешь кто где, заходишь иногда в гости... Но всё равно – понимаешь, что это не твоя территория. А вот это, – он показал на холодильники, – как бы твоя».

Центральный проход (Халин прозвал его «бульваром») тянулся через весь зал от турникетов к аудио-видео отделу, и делил магазин на две части: крупная бытовая – справа, мелкая и компьютерный – слева. Кроме того, у мелкой бытовой была такая себе Мелилья – стеллажи с пылесосами между стиралками и их товарным запасом. В компьютерном, через «дорогу» от стиралок, стояла «колба» – стеклянных киоск с мобильными телефонами.

«Первый месяц, – сказал Чижов, – пылесосы и микроволновки относились к нашему отделу. Эсвэчэ вот здесь были, где сейчас бойлеры. Потом это дело переиграли».

На мелкой бытовой работали одни девчонки, в компью-

терном – пятьдесят на пятьдесят, на крупной и а-вэ – только парни. Игорь успел познакомиться со всем своим отделом – правда, сразу запомнил немногих: само собой, Костю; Сотника, который постоянно крутился у мобильных («Димон, ещё раз увижу, что встройка пустая, – выругался Андрей, – отгребёшь минус-десять»); и пожалуй, Сашу Олейникова – ответственного за стиральные машины. Благо все носили бэйджики – шпаргалку для новых коллег. К слову, сам Игорь оставался весь день безымянным.

Время от времени Костя отходил к клиентам, либо же они подходили: «мы вернулись», «мы надумали», «мы снова к вам». «Извини, – говорил он Ждану, – я немного поторгую».

Был среди таких снова-пришёл и один мужчина в бейсболке. «Здравствуйте», – сказал он Чижову. «Здравствуйте», – ответил Костя. Не сговариваясь, как старые знакомые, они двинули к холодильникам, в самый конец, двухметровым – стали о чём-то говорить или, казалось, даже спорить. Чижов открывал дверцу, вытаскивал то инструкцию, то гарантию – листал, показывал мужчине. Тот кивал, а потом вдруг не соглашался, тыкал в ценник, начинал что-то доказывать.

Освободился Чижов минут через сорок.

– Этот мозгоклюй, – сказал он, вытирая лоб, – ходит уже вторую неделю. Каждый день, будто на работу, – Игорю по-

казалось, что Костя собирается плюнуть на пол.

– И чего хочет?

– Да нахрен, – отмахнулся Чижов, но почему-то всё же ответил. – Подобрали с ним холодильник. Занусси, двухкомпрессорный. Всё нормально – записал модель, сказал, что посоветуется дома – обычная, короче, история. Приходит на следующий день. Был, говорит, в «Холодильниках» – здесь, рядышком. И у них цена в два раза меньше... Хрен, конечно, занусси столько стоит. Ну да ладно, – Костя облокотился на терминал. – Отличная, говорю, цена – если на самом деле так, надо брать. А мужик начинает такой, вот только в наличии сейчас нету. Я ему, – Костя растопырил пальцы и постучал по столу, как Альф, – к со-жа-ле-ни-ю. Что я-то могу сделать? Он – да-да – и уходит... На следующий день – смотрю – знакомые лица! Трётся чего-то возле холодильника. Подхожу. Здравсьте – здравсьте. Какой у него, спрашивает, класс энергопотребления? Класс А. Он такой: а я слышал, что у всех с двумя компрессорами – класс В. Достāju евролинейку, показываю. Снова задумался... И так каждый день. То страна-производитель, то гарантия, то марки компрессоров. И по любому поводу – он слышал, – Чижов изобразил кавычки, – что-то другое. Причём явно хуже, чем оно есть. Сегодня вот хладогент обсуждали. Фреон, его словами. Видел, как я холодильник отодвигал, показывал на компрессорах маркировку? В конце концов, когда крыть уже было нечем, мужик сказал, что мы его зверски наёбываем. И ушёл.

Кстати, постоянно так говорит. Вы – мошенники, жулики...

– Наёбывают, но приходит?

– Хочет поверить. Как агент Малдер... Вообще, – Костя выпрямился, встал у терминала будто лектор за трибуной, – все считают, что разбираются в торговле. Как и в политике. У любого спроси – расскажет тебе, как страной надо управлять. Более того, большинство считает, что торговля и политика – одна хрень. На-е-ба-ло-во.

– За этим и ходят по магазинам? – спросил Игорь. – Чтобы их наёбывали?

– И да, и нет. Люди приходят не просто потратить деньги и купить холодильник. Им нужен комфорт, или статус. Или уверенность в себе. Или здоровье. Не зря же все эти антибактериальные покрытия, – Костя повернулся к холодильнику с наклейкой «stop microbes». – Почитаешь в стандартах. Покупатель приходит решить проблему с самим собой. Смотрел «Нужные вещи»?

Ждан покачал головой. Помнил лишь, что – да – был такой фильм – триллер или ужастик. Давно-давно. Крутили по кабельному. И всё.

– Не важно. Человек стоит на одном берегу, такой как есть, и видит другой берег, где он станет таким, как хочет. Покупка же – мостик... Чудо, – это слово Чижов произнес медленно. – Чудо – это, к слову, тоже наебалово, но только то, которое ты не можешь объяснить. Как в том анекдоте: «вот не пойму, где ты меня кинуть хочешь»... Впрочем, для

большинства чудо – вещь простая – урвать что-нибудь за три рубля. Халява, сэр.

«Когда мне было лет десять, мы с мамой ездили отдыхать в какой-то пансионат-санаторий. На море. Обычный такой – корпуса, аллеи, пляж, спортплощадки, столовка. И клуб, где по вечерам – танцы, а днём иногда кто-то выступал. Однажды – фокусник... Маму, само собой, это не привлекло, я пошёл один. В зале были в основном такие же ребята, не старше; лишь некоторые с родителями... Вначале фокусник долго рассказывал – и про то, где бывал, и как учился всему этому, и кто передал ему секреты. Такое, в общем... А потом – сами фокусы. Вытянул цветные ленточки из пустой коробки; порвал афишу на мелкие кусочки – скомкал их в шарик, затем развернул – и афиша оказалась целой; превратил платок в яйцо... Все фокусы были из журнала „Юный техник“. Помнишь такой? Печатали на последней странице, с подробным описанием что делать, в чём хитрость. Мы как раз выписывали журнал пару лет. Разве что в некоторых фокусах факир заменил бумажки на деньги – высыпал из кулька трояки, превратил пятерку в червонец... Я смотрел по сторонам – ребята не сводили глаз со сцены, аплодировали, смеялись – и завидовал им... Прежде, я чувствовал себя дураком, лишь когда был единственным в классе, кто чего-то не знает, а тут наоборот... В конце фокусник сказал, что сейчас, для последнего номера, ему понадобится по-

мошник. Ну, спросил он, есть смелые? Все потянули руки. Я тоже – хотелось выйти на сцену и показать – вот! – здесь кармашек, здесь пружина, здесь двойное дно... Но выбрали не меня».

Обучение Игоря началось со стиралок. «Давайте их в первую очередь, – сказал Халин, – потом холодá. С кондёрами ты всё равно уже в сезон не успеваешь. Да и август обещают нежаркий».

– Те вёдра с мотором, – Чижев показал на две пластиковые бочки, стоявшие в стороне, возле пылесосов, – машинки активаторного типа. Люди постарше говорят иногда – полу-автомат. Или – типа-малюток. Учить по ним особо нечего, полистаешь как-нибудь инструкцию. Все остальные стиралки – барабанного типа. Или автомат, словами всё тех же старших. Ещё бывают ультразвуковые, пузырьковые – но мы такими не торгуем, – Костя на секунду задумался. – Пока. Тут уж не зарекаюсь.

Он пошёл через ряды, Игорь следом.

– Первые такие стиралки, – сказал Чижев, – были сделаны на основе маслобоек. Немцами, лет сто назад. Что забавно, эти машины закупала царская Россия, но использовали их здесь, опять же, как маслобойки, переделывали обратно.

Ждан ничего не спрашивал, просто не успевал формулировать вопросы – слушал, слушал, слушал. Будто на вводных лекциях. «Загрузка бывает вертикальная и фронталь-

ная. Стандартная высота – восемьдесят пять сантиметров. Ширина вертикалок – сорок, у фронталок – шестьдесят, если точно – пятьдесят девять с половиной. Бывают ещё маленькие, под раковину – занусси и канди – чуть ниже семидесяти сэ-мэ, – Костя показал рукой их рост, – и шириной пятьдесят один. Должны на днях привезти. Увидишь».

В магазине был высоченный потолок – как-никак бывший цех – метров восемь. Вверху по периметру шли окна, продолговатые откидные. Как их открывали-закрывали – загадка. Света от этих окошек вряд ли хватило бы на зал, так что повсюду свисали на тросах светильники с люминесцентными лампами. Стиралки блестели, словно глянцевые странички каталогов.

«У большинства фронталок верхняя крышка снимается. Скручиваешь эти два самореза и сталкиваешь. Она на направляющих. А потом – зашиваешь столешницей, – Чижов провел ладонью по крышке, – и получается встроенная. Вообще, бывают специальные стиралки под встройку, они изначально идут без крышки, с металлическим листом... Ну а вертикальные, само собой, никуда нестроишь».

– А какие лучше? – спросил наконец Игорь. – Те, что сверху, или фронтальные?

– Принцип у них одинаковый, – ответил Костя, – барабан и там, и там. Есть поверье, что вертикалки – надёжней, мол, у них крепления с двух сторон, плюс некоторые боятся, что «окошко потечёт» у фронталки. Но это – так, фольк-

лор и суеверия... На самом деле лучше всего начинать подбирать с габаритов. Если место позволяет, тогда самое оно – полногабаритные. Фронтальные, шестьдесят на шестьдесят. Они и устойчивей, и объем больше, не просто в килограммах, но и сам бак. Да и стоят, к слову, дешевле.

– Почему? – удивился Ждан.

Рядом прошёл продавец – один из тех, с кем Игорь познакомился, но имени не запомнил. За ним – целая делегация, человек пять. Остановились в шаге от Ждана и Чижова. «Вот, – сказал продавец, – эл-джи на три с половиной килограмма. Восемьсот оборотов отжим. А больше и не нужно». Воротник его поло был поднят, но не держался – заваливался то так, то так – будто уши какой-нибудь овчарки-полукровки.

– Изначально, – сказал Костя, кивнув Игорю, давай чуть отойдем, – на заводе разрабатывается полногабаритная модель. В качестве базовой. Затем, на её основе – те, что поменьше. И конструкторские работы, их стоимость – зашивают в цену компактных стиралок.

Часа в четыре Халин принес брошюру с логотипом «Европы» на обложке – ещё старым, жёлто-синим. «Бейджик, – сказал Андрей, – организуем тебе завтра». Он протянул брошюру Ждану.

– Стандарты, – прочитал Игорь вслух и посмотрел на Халина. – Правила поведения?

– Ёпт, – Андрей поморщился. – Это Костян тебе понарасказывал?

В целом, стандарты всё же отличались от типовых можно-нужно-нельзя. Ждан пролистал несколько страниц – копирайты, содержание, введение, обзор – и остановился на первом разделе. «У каждого продавца есть „багаж“ – убеждения, ценности и опыт. Они формируют индивидуальные взгляды, которые могут существенно отличаться от взглядов других продавцов».

– Шибко быстро листаешь, – сказал Халин. – Давай-ка назад... Ещё. На первую страницу... Вот.

Посредине было написано: «© «Европа». Только для сотрудников магазина (супермаркета)». И ниже: «Запрещается полное или частичное копирование, использование вне магазина (супермаркета) и передача третьим лицам». В книжках на такое обычно не обращаешь внимания.

– За попытку вынести святая святых из храма или отксерить, – пояснил Халин, – штрафом не отделаешься. Можно и вылететь.

Игорь кивнул. Неохотно.

– Seriously, – сказал Андрей. – Так что – выделяй часик днём, часик вечером, поднимайся в столовку и учи. Стандарты надо знать как ом-мани-падме-хум. Пока ты стажёр, можешь уходить, если кто-то с отдела обедает или пьет чай. Такие бонусы для не-продавца... Кстати, Костян тебе про штрафы рассказал?

Чижов тем временем выписал холодильник и стиралку молодой парочке, вручил им выползший из принтера листок и показал на кассы: «Оплачивайте, и рядышком, на инфо – оформите доставку». «Спасибо», – сказали Косте. «Пользуйтесь с удовольствием», – ответил он.

– Димон говорил в двух словах, – пожал плечами Ждан, – про опоздания, внешний вид...

И тут Халин захохотал. Даже оперся на стиралку, будто боялся упасть со смеху. Шедшая по «бульвару» женщина обернулась.

– Сотник? – уточнил он. Хотя никаких других Димонов на отделе вроде как и не было.

– Ну да, – подтвердил Игорь.

– Вот ты царь! – сказал Халин, чуть успокоившись. – Выцепил именно эксперта. Пока Болоцкого не уволили, они ещё соревновались, но сейчас, – Андрей выставил большие пальцы, – Сотник – абсолютный чемпион по штрафам. Во всех категориях.

Подошёл Костя. Улыбка, вежливо-сдержанная при клиентах, стала усмешкой-ухмылкой.

– Чё ржём? – спросил он.

Список оштрафованных можно было просмотреть с любого терминала.

– Клацаешь по этому значку, – сказал Халин. – Вот, например, сегодня – Лисицина и Малик по два за опоздание,

Крючков – четыре за пыль на технике. И, конечно же, Сотник. Джек-пот не сорвал, но всё же – бакс за скотч на полу... Обычно два за такое, но у Димона – скидки.

Столбец – фамилия, столбец – сумма, столбец – причина.
– Для тебя сейчас главное, – продолжил Андрей, – приходить вовремя и... – он замолчал, «ну ты меня понял», – внешний вид по стандартам... Утром на проверке – стол возле входа – лежит листик. Вписываешь себя, ставишь время и подпись. Без пятнадцати – список забирают. Кто не успел, – он пару раз нажал капс-лок, – тот опоздал.

На а-вэ закрипели шины, кто-то закричал, запищала сигнализация – громче, громче, громче – мимо своих положенных децибел, дальше по шкале – к товарным поездам и взлетающим самолётам... И тут же всё стихло.

– Ух ты зверь! – сказал мужик в синей футболке.

– Хоть телевидение у нас и моно, – добавил продавец, – но под дивиди будет супер.

Звуки, которые будто бы спугнула авария из фильма, стали осторожно вылазить из убежищ. В зале повсюду разговаривали, искали кого-то, звали, тягали по полу коробки, распечатывали, волокли куда-то упаковку. А ещё само помещение словно гудело. И музыка, почти незаметная, даже не звучащая, а просто «присутствующая». Песни формата европы-плюс... Впрочем, как узнал Игорь вскоре, никакого это было не радио – девушки с инфо запускали эм-пэ-три со своего компьютера, из папки «music» – пару тысяч пе-

сен, в случайном порядке. Время от времени папка обновлялась – кто-нибудь притаскивал эм-пэ-три сборники («Музыкальные консервы», – говорил Халин) или «музычку на флэшке», и всё это скидывалось в общий котёл... Однажды Сотник устроил арт-диверсию – неизвестно какими правдами-неправдами дорвался до компьютера на инфо и стёр всё-всё-всё, что было в папке, а вместо закинул «свой музон». Минут через десять на инфо примчал директор и закричал на девчонок: «Вы что, совсем дуры?» По всему магазину звучал рэп, на русском, из тех, что «Внимание! Ненормативная лексика» – гопническое: «А вечером ебошим гандонов с соседнего района»... Найти виновного было несложно – Димон получил по шее и ещё один штраф в коллекцию.

Вообще, идея с не-радио была правильной, по крайней мере не случится таких конфузов, как, например, в «Комфорте» – идёшь вдоль холодильников и тут по радио реклама: в «Доме Электроники» такой-то холодильник всего за тысячу девятьсот девяносто девять гривен; спрашиваешь у продавца эту модель, он показывает, цена – две триста пятьдесят.

К слову, как рассказывала Ждану знакомая, в «Билле», во всех «Биллах» – что в Украине, что в Австрии, повсюду – одновременно играет одна и та же музыка, её передают по сети по радиорубкам. Так что можно представлять, как в то время, когда ты кидаешь в тележку макароны и соус, какие-нибудь мадам-эн-месью идут к кассе с французской зе-

ленью и длинными-предлинными багетами и слышат то же «miss you», что и ты.

Иногда музыку останавливали, чтобы сделать объявления. «Старший продавец аудио-видео отдела подойдите на проверку», «владелец красной мазды, номер два-два-три-два, подойдите к своей машине». Игорь вспомнил, что читал (скорее всего у Паланика, хотя не факт) про объявления-шифровки, для персонала: зовут кого-нибудь – несуществующего сотрудника – на склад, а на самом деле это значит, что начался пожар.

– Линейка брендов, – сказал Чижов, – выглядит следующим образом: эл-джи и самсунг – самые простые варианты. Это не значит, что они плохие или ещё что-то. Нормальные рабочие лошадки за свои деньги. Рассчитаны лет на семь эксплуатации. Дальше – ардо, итальянская контора. Тоже – лет сэм-восэм. Затем – индезит и канди, – всякий раз Костя показывал на стиралки названных брендов, – средний класс, или, как любят говорить – уверенный средний класс. Эти – лет на десять. Далее – класс чуть выше среднего: аристон и занусси, двенадцать лет. И за ними – высокий класс, лет на пятнадцать эксплуатации: бош, электролюкс, горенье. Есть ещё премиум – аег и сименс, в самом конце, по одной модельке, они – вообще вечные, лет на двадцать и больше. Стоят соответственно. Туда же и миле, правда, мы ими не торгуем... Впрочем, если кто интересуется, смело реко-

мендуй аег с сименсом, тоже немцы, тоже премиум. У аега и на морде написано: мэйд ин джомани.

– Забавное название – горенье, – улыбнулся Игорь.

– Словения, – ответил Костя, – бывшая Югославия, хорошие машинки. К слову, горенье – это не от «гореть», а от слова «горы». Там у них гористая местность, Балканы. Горенье – деревушка, рядом с которой, в городе Виленье – сам завод. Пряма песня: Горение, Виление, Словения... Хотя, как говорили на семинаре, правильно – горенье...

Ждан представил сцену в духе Кустурицы. «Эй, Матко, что там у тебя?» – «Стиралки из Веленье. Самые лучшие! Для тебя, Дадан, всего по триста евро». – «Матко, чёртов ты прохиндей, какие триста евро»...

– У каждого бренда есть какие-то свои фишки. У машинок горенье, например, толщина корпуса – один миллиметр, плюс – двойная оцинковка.

«Постой, Дадан! Здесь миллиметровая сталь»...

– Кроме того, – Чижов постучал по металлической крышке, – горенье килограммов на десять тяжелее любой другой. Таскать их, конечно, хреново – но зато они очень устойчивы и, соответственно, мало шумят. Даже на максимальном отжиге.

«...и ещё утяжелитель, Дадан. Они работают тише, чем карманник на рождественском рынке!»

– Или электролюкс, – Костя открыл дверцу и потрепал рукой уплотнитель, как собаку за ухом, – здесь не резина, а ка-

учук...

Всё, что Чижов говорил после «баки у люксов делаются из карборана» и «изначально – технология НАСА» – пробежало мимо Игоря, стараясь не задевать. Будто «лишние» стопки – точно выпил, но уже не вспомнишь – ни завтра, ни позднее. *Диск переполнен, вставьте новый*, и обрывки, фрагменты, кусочки: барабан – подвижный, а бак – сама ёмкость; ножки регулируются; это – транспортировочные болты; минимум – полатмосферы...

И вдруг словно тучи затянули небо – модный в девяностые рваный монтаж: никаких тебе западных и восточных ветров, никаких Борея с Нотом – мгновенно – солнце в траурной вуали или в парандже... Хотя какое небо? какое солнце? какие тучи?

– Чё, Игорян, – засмеялся Костя, – в глазах потемнело?

Лампы не погасли совсем, а перешли в какой-то стэндабай – экономный режим – если и не стали светить слабее пробивающегося из окошек июльского вечера, то, как минимум, сравнялись с ним. По-прежнему яркими остались лишь подсветки встройки, шкафчиков с компьютерной мелочёвкой – мышами-клавиатурами, колбы с мобильниками и стенда с автомагнитолами. Теперь казалось, что зал – рыночная площадь, а все светящиеся островки – отдельные лавки – налетай-торопись.

– Минут за пятнадцать до закрытия, – сказал Чижов, – убавляют свет, тонко намекают, что скоро – алес. В киноте-

атрах такое перед началом сеанса, у нас же, наоборот, когда вот-вот конец фильма... Ты, кстати, обедать-то ходил сегодня?

И тут Игорь сообразил, что не только не пообедал, но даже ни разу не выскочил на перекур. Просто забыл. И про еду, и про сигареты... Прямо как рассказывали на одной давнишней лекции. «Самый низкий уровень, – объяснял лысый дядька, – это когда человек восстанавливает энергию лишь пищей. Чуть выше те, кто кормится деятельностью. Вот, например, бизнесмены – могут весь день мотаться по своей фирме, увлекшись каким-нибудь нововведением, не чувствуя при этом голода и усталости. Следующий уровень – умственная деятельность»...

Ждан промолчал, но Чижов и так всё понял.

– Бля, – сказал он, – такой героизм здесь и на фиг никому не нужен. Тем более, пока ты стажёр.

День показался Игорю быстрым и длинным одновременно. Он ни разу не взглянул на часы (вот осталось четыре, три с половиной, три), ни разу не почувствовал, что воздух будто затвердел и каждой секунде приходится протискиваться, выцарапывать себе жизненное пространство – так часто бывало на прошлой работе; так всегда бывает на вокзалах, когда кого-то провожаешь... И всё же прошедшее время ощущалось – наследило, оставило повсюду отпечатки: правила, имена, впечатления, знания... Хотя нет – ещё не знания, просто информацию, сваленное в коридоре: в мешках, ко-

робках и насыпью. Хочешь – не хочешь, а споткнешься.

– Пошли, – Костя клацнул «завершение работы» и погасил монитор.

Покупателей на отделе не осталось. Продавцы стали неспешно стягиваться к кассам, проходить через них один за другим – кадры из учебного фильма, где показывают как правильно себя вести при пожарной тревоге – организовано на выход: без паники и спешки.

На инфо выключили музыку. Охранник подошёл к парню, замечтавшемуся возле стенда с электробритвами, и сказал, что магазин закрывается. «Ой, да», – ожил тот и тоже влился в поток уходящих. «Мелкая – всё», – сказал охранник в рацию.

Уже подходя к столу проверки, Игорь сообразил, как сильно устал – ноги будто закручивались на узел (не удивительно – простоять-проходить десять часов, тем более – с непривычки), почему-то побаливали плечи и руки; да и голова была ватной, как перед экзаменом, когда решил за ночь прочесть то, на что отводилось два семестра.

И тут в Ждана уперлась чья-то рука. Перед ним стояла женщина – Игорь видел её до этого, она весь день мелькала в зале: кого-то вычитывала, с кем-то смеялась, болтала с девчонками на инфо, обсуждала с Халиным какие-то бумажки.

– Ты с кэ-бэ-тэ? – спросила она, так и не убрав ладонь с груди Игоря.

– Да, – ответил он.

– Елен Пална, – подключился Костя. – Чего вы? – он улыбнулся: не так, как покупателям, но и не и так, как Халину со Жданом – Первый день человек у нас...

– Первый день, – не унималась Елена Павловна, – и в такой обуви! Это ужас просто! Тебе, Чижов, тоже должно быть стыдно.

– Верите? – Костя выкатил глаза и положил руку на сердце. – Стыдно, очень стыдно.

– Подошва утром порвалась, – сказал Игорь. – Пришлось одеть эти. Не босиком же?

Елена Павловна была хорошо сложена – как говорится, следила за собой: подтянутая, спортивная (она занималась то ли карате, то ли теквандо); талия, плечи, ноги – если в фигуре и имелись недостатки, они сглаживались грамотно подобранной одеждой. Когда однажды к ней в гости забежит дочка – лет девятнадцати, двадцати, – со спины их будет просто не различить... А вот лицо Елены Павловны было взрослее и намного – точно не спутаешь ни с двадцатилетней, ни даже с тридцатилетней. Стоило ей заговорить или просто пошевелить губами, нахмурить брови, как лицо покрывали морщины, всех сортов и размеров – от тонких чёрточек до основательных, которые уже не спрячешь и не разгладишь. Щеки начинали обвисать, пока ещё чуть заметно, но в них уже можно было увидеть будущую старость... И взгляд – никак не девочки.

– С виду нормальный парень, – сказала она, – и такое...

Уж лучше б и впрямь босиком ходил!

Игорю захотелось вступить за туфли, будто обижали его товарища – да, со странностями, постоянно ковыряющего в носу, неуклюжего и несобранного – и всё же товарища. Но защищать было уже не от кого – Елена Павловна заприметила новую жертву, мгновенно потеряв интерес и к Ждану, и к его туфлям.

– Лисицина! – она обошла Игоря и Костю. – А ты где, моя радость, шлялась весь день?

Игорь поправил смявшуюся на груди футболку.

– Это была Ужва, – сказал Чижов, – заведомо мелкой бытовой...

Они прошли к лестнице, зашагали наверх. Было шумно илюдно, не то что днём. Некоторые продавцы уже успели переодеться и спускались, вернее – протискивались сквозь тех, кто только поднимался к раздевалкам.

– Но про твои сандалии она права... У выхода из метро – сразу за курицами с шаурмой, правее как бы – обувной магазинчик, там ещё такая зеленая дверь – работает с восьми. И цены нормальные, и есть из чего выбрать. Выйди пораньше и заскочешь перед работой... Или, – Костя изобразил улыбку «для своих», – не-ту де-нег?

– Нету, – подтвердил Игорь.

– Ну и чего морозимся? Одолжу. Прогуляемся только к банкомату.

У всех на бейджиках были полные имена, как в паспортах и трудовых – Ольга, Надежда, Светлана, – а она почему-то была Катей: «Васильева Катя, продавец-консультант». «Может, – подумал он, – она и по паспорту какая-нибудь Катя Борисовна? Как в том американском кино?»

Утро начиналось с наведения чистоты. Уборщицы возили по полу жёлтые кёрхеры с длинными хвостами-кабелями, протирать же остальное – полки, терминалы, товарные горки, сам товар – было обязанностью продавцов.

Швы между плитками напоминали сетку в три-дэ-максе – компьютерная модель, на которую наставили всяких три-дэ объектов. Без покупателей – изнанка торговли, как и тогда, у чепэшника, когда Игорь впервые зашёл за лоток: вот коробка-касса, здесь – все документы, сюда можешь поставить сумку; и обувь, если захочешь переобуваться... Хотя, конечно, с другим размахом, скорее – сам рынок перед открытием, только куда чище и никто не похмелялся.

Ждана определили на стиралки.

– Будешь с Олейниковым, – сказал Халин, – а то он без Болоцкого – в гордом одиночестве. Помогаешь выставлять технику, следишь, чтобы всё было как надо. Короче, Алекс расскажет. Ну и отгребаете, если что, тоже вдвоем.

Снова призрак Болоцкого, подумал Ждан, сперва его шкафчик, теперь – зона ответственности.

– Надеюсь, – Олейников будто прочёл эти мысли, – он-то не таким будет?

Спросил не Игоря, а Андрея. Дурацкая манера – в третьем лице о том, кто рядом.

– А что с Болоцким было не так? – не понял Ждан.

Олейников махнул рукой, Халин усмехнулся.

– Давайте, идите, время уже... Кстати, Игорь-джан, держи бейджик. И, – Андрей прищурился, – не забывай учить стандарты.

– Хитрого, – сказал Саша, – здесь ничего. Берём на терминале тряпки, – он протянул одну Игорю, – берём мистер-му-скул и вперёд. Если тряпок нету, спрашиваешь у уборщиц... Я начну с того конца, ты с этого – протираешь морду, крышку, по бокам. Чтобы ни пыли, ни пятен... Не то, сам слышал – люлей получим оба. Хватит мне из-за Болоцкого штрафов.

Кругом, на всех отделах, продавцы водили тряпками – тёрли мониторы, телевизоры, колонки, микроволновки, телефоны, утюги. У некоторых была прям «ювелирная работа»: шнуры-штекеры, наушники, коробочки с лампочками и батарейками.

В зале звучала «We are the robots» в каком-то очередном ремиксе. «Europe endless», подумал Ждан, тоже была бы в тему. Он переходил от машинки к машинке – брызгал средством, вытирал – по одним стиралкам и не скажешь, что их

только что тёрли-мыли, зато другие – мгновенно преображались, сияли-блестели. Попадались и совсем уж пыльные, как-то и не верилось, что такое может случиться за день, максимум два.

– Вот-вот, – подтвердил Саша. – А мы этим дышим.

Ряды и впрямь казались бесконечными: отыграл ремикс на «крафтверк», «хуллахуп гёрл», какой-то лаундж, а Ждан только и успел, что пройти до конца одного ряда и свернуть на другой. Первая мэшин авеню, вторая, с совсем уж путанной нумерацией – 821, 80250, 80160, 833, 10160...

Игорь впервые уловил то самое – «магазинное» – настроение: будто на вокзале, когда приехал заранее – поезд на табло ещё не высветился, – или, наоборот, только с поезда, пред-рассветным утром, и ждёшь, когда начнут ходить трамваи или откроется метро, таксистам с их расценками – большой привет; всё вокруг знакомо и понятно – даже если ты здесь впервые: там камеры хранения, тут киоски с газетами и водой, кафе, зал ожидания; и какая-то жизнь, суета, тоже в общем-то знакомая и понятная; все вместе, все по парам-семьям-компаниям – и каждый сам по себе.

Новые туфли немного жали.

– Кстати, – крикнул Олейников с вертикалок, – следы, чтобы «ведра» были чистыми. А то, – теперь гораздо тише, – любят их проверить. И не только Халин. Ужва регулярно подходит к ним, проводит рукой и, если пыльно, то пиздец.

В зале появились покупатели. Прошли, как призраки,

сквозь двери, и дальше по залу – тихо-тихо, с пятки на носок, а то и вовсе словно не касаясь пола – мимо стендов, стеллажей и колонн. Прокрались, но без злого умысла – наоборот, будто боялись помешать.

– Народ попёр, – сказал Игорь.

– Ага, – отозвался Саша, – закругляемся.

Он провел тряпкой ещё по одной крышке – скорее для виду, как мойщик-беспризорник по лобовому стеклу на светофоре – и двинул к терминалу. Игорь – следом.

– Как-то незаметно они.

– Такие дни – долго раскачиваются, если вообще раскачиваются. Вот в субботу сразу заметишь, что магазин открыли.

– А что суббота?

– Самый торговый день. Не хочешь – и то чего-нибудь продашь. В половину уже стоят под дверью. Так что, – Олейников подмигнул Ждану, – если решишься на обрезание, примешь иудаизм и не сможешь выходить по субботам – все будут только за.

В «Европе» Олейников работал с первого дня, а до этого успел поторговать в ЦУМе и на «Стоке» – в общем, был здешним старожилом.

К нему почему-то приклеился ярлык «сачка» – крепко-накрепко, уже и не оторвёшь. «На „Стоке“, помню, постоянно, – любил рассказывать Левич, завотделом а-вэ, – хоп-хоп, где Олейников? А он – то на складе чаи гоняет,

то за ящиками прячется»... Вообще, заставшие ЦУМ или «Сток» были для Левича почти что «друзьями детства» (сам он, как и Саша, успел и там и там) – когда кто-нибудь интересовался: «Как считаешь, выйдет из этого старший продавец?» или «Потянет заказ техники?», завотделом не задумываясь отвечал: «Конечно! Я его ещё по ЦУМу помню!» – не просто «думаю, да», а жирный плюс. Но плюс на минус даёт минус, и Саша был для Левича (а с его подачи и для остальных) в первую очередь сачком.

«С чего это говорят, что Олейников любитель поотлынивать?» – спросит Ждан у Чижова.

«Он, – улыбнётся Костя, – тот ещё лис. Пока не было личных продаж – все получали процент от общего выторга отдела – Олейников вечно где-то пропадал, хрен отыщешь; зато как только запустили новую базу и каждый стал бомбить на себя – он тут как тут, забёгал, заработал. Но, надо отдать должное, его теперь не приходится пинать, чтобы выставлял технику, следил за ней, протирал».

Особенно Игорю нравились испанские названия – lavadora, cocina, aspiradora... Будто женские имена («Ну что вы, сеньора Лавадора, не о чем беспокоиться!») или города («Я вырос в Аспирадоре, на берегу океана, и только в семнадцать переехал в Косíну»).

– В зале, – сказал Саша, – есть несколько «мёртвых зон»,

их не видно по камерам, да и вообще они не особо просматриваются... Вот здесь, например, – он кивнул в сторону пылесосов, – за колонной, рядом с коробками мелкой. Захочешь потрещать по телефону – отличное местечко.

Тётка подошла к либхеру-нержавейке – почти вплотную – уставилась на ценник и сжала кулаки. На худых руках проступили вены – тонкие синие нитки.

«Сейчас стукнет», – подумал Ждан – даже представил, как тётка лупит по дверце (останутся вмятины или нет?) – и, решив не дожидаться (мало ли), шагнул к ней и поздоровался.

Тётка промолчала. Не услышала, или сделала вид, что не услышала.

– Немец, – сказал Игорь. – Самые надёжные холодильники.

– Знаю, – ответила она, всё так же глядя на ценник, – мы у вас такой брали, год назад.

С прошлого лета цены на либхеры менялись не раз и не два – повышались, понижались – но порядок остался прежним. Если цена на нержавейку и отличалась от прошлогодней, то совсем чуть-чуть, вряд ли кто будет нервничать и считать, что купил втридорога.

– На нём царапины, – тётка наконец-то повернулась и посмотрела на Ждана, – на морозилке.

– Где? – не понял он.

– На морозилке, – повторила тётка, – у нас дома.

– И? – снова не понял Игорь.

– Подсунули хрень, – вены проступили теперь и на шее, – и рады.

– Подождите, – Ждан выставил ладони, – вы осматривали холодильник, когда его привезли. И расписались в гарантийном талоне, что он пришёл без внешних дефектов. Правильно?

– Он был пыльный и мы не заметили. А потом я решила его помыть и...

– Год спустя?

– Конечно, нет! – возмутилась тётка. – Я каждую неделю всё дома драю. Кухня блестит так, что вам и не снилось! Сверкает!

Клиника, подумал Игорь. Он мысленно досчитал до пяти и как можно спокойней спросил: «И что вы предлагаете?»

– Привезите нам новый! А этот, с царапинами, можете обратно себе забрать!

Ближе к десяти Чижов закончил «утренние процедуры» (он был ответственным за тепло-холод: водогрейки, масло, конвекторы, кондёры) и подошёл к стиралкам.

– Ну что? – спросил он Игоря. – Готов? Продолжаем?

Почти как стоматолог дядя Женя, который выглядывал из кабинета, замечал Игоря и здоровался скороговоркой: «Здоров, готов? Ото пошли?»

– Я пить чай, – тут же сказал Олейников. Будто только и ждал, когда найдется кто-нибудь, кому можно сплавить Ждана.

Саша всегда говорил, что идёт чаёвничать, хотя пил кофе – растворимый, из пакетиков – покупал их каждое утро в киоске через дорогу. Костя же, наоборот, шёл «пить кофе», но заваривал чай – обычно чёрный, реже зелёный, а иногда и «компоты»: малиновый, черничный, ройбуш.

– Давай повторим вчерашнее, – предложил Чижов, – и двинем дальше.

Олейников кивнул непрозвучавшему ответу Кости, прошёл к «колбе» с мобильниками, возле которой крутился Сотник с новой «раскладушкой» в руках, – позвал какую-то девочку и вместе с ней («Я наверх», – крикнула она старшему) направился к кассам.

– Расскажи-ка мне, Игорян, про эту стиралку, – попросил Чижов.

– Ну... – неуверенно начал Игорь, – в ней тысяча оборотов отжима, она полногабаритная, рассчитана на пять килограммов сухого белья...

– Тут написано – четыре с половиной, – Костя ткнул пальцем в ценник.

– Четыре с половиной... Ошибся...

– Быстро ты сдаёшься. Ценник и ценник, и что? Есть же другие доказательства. Помнишь про евролинейку? – Чижов открыл люк и вынул уже вскрытый пакет с документами (по-

лоска-самоклейка была сверху). – Смотрим здесь. Что пишут?

Вверху – класс энергопотребления (жирная А), затем класс стирки (тоже А), класс отжима (С), следом – загрузка (5,0), расход воды, децибелы.

– Чего ж тогда на ценнике четыре?

– На карте тоже Италия написано, а нарисован сапог...

Описания для ценников делают рекламщики, там, – он кивнул наверх, – на Олимпе; скажешь им про ошибку, даже более значительную, и они будут исправлять её месяца три, если вообще будут. Так что привыкай объяснять покупателям, что не всё то ценники, что...

– А цены?

– Не-не, это – святое, за *этим* менеджеры следят. Если вдруг какие подвижки, приносят переоценочные ведомости, ты перепечатываешь ценники и расписываешься. И, если не дай майтрея протупишь, дрючат зверски... Вообще, всё, что связано с ценниками – а именно: цена (чтоб базе соответствовала), подпись сзади и печать – самое страшное. Налоговой, например, похрен – пыльные крышки или нет, но вот ценники – не килограммы и отжим, – а цена, подписи, печати – совсем не похрен.

Костя зачем-то вручил пакет с инструкциями-гарантиями Ждану.

– Кроме того, производители иногда меняют что-нибудь в моделях, не особенно распространяясь. Например, эта же

стиралка. В описание значится, что бак из нержавеющей стали. А теперь смотрим, – Чижев толкнул приоткрытую дверцу люка и смял уплотнитель. – Что здесь? Композит... Если не уверен, лучше загляни, – он забрал пакет у Игоря, положил обратно в барабан. – Заодно и покупателям будет наглядное доказательство.

– А зачем меняют нержавейку на пластик?

– Типа с целью улучшения качества. И тэ-дэ. Но, будем реалистами, смысл один – уменьшение расходной части. Меньше потратишь, больше заработаешь, – Костя пожал плечами, мол, это и так понятно. – А во-вторых, сам знаешь, всё должно меняться – не важно, в лучшую сторону, в худшую – главное, не оставаться таким, как прежде. Иначе наступит зэ энд.

(Cat Balance)

Ждан решил не повторять вчерашние «геройства» – в начале двенадцатого поднялся в столовку, прихватив стандарты и пачку крекеров (под кофе крекеры оказались более в тему, чем «правила поведения»); около трёх – переоделся, сходил пообедать в «Штурвал» («Бюджетный вариант», подсказал Чижев). Не забывал и про перекуры – раз в час-полтора выбирался на улицу, сворачивал за угол, проходил мимо служебного входа и сервиса... Курить на главных ступеньках разрешалось лишь тем, кто одет не по форме, начальству и, само собой, покупателям.

Вдоль торца магазина тянулась улица Весенняя. К слову,

и адрес «Европы» был не Космонавта Добровольского, а Весенняя, дом 2, хотя главный фасад находился всё же на Добровольского: центральный вход, буквы с подсветкой и плакаты зайди-купи в два этажа высотой.

Асфальт заканчивался сразу за табачкой – дальше улица распадалась на две пыльные дорожки – какие-нибудь Нововесенние-Маловесенние, протискивающиеся между старых неухоженных (а иногда и заброшенных, с выбитыми окнами) двух-трёхэтажек.

За сервисным центром был въезд на задний двор – перекрытый шлагбаумом, с будкой охранника – здесь разгружались фуры, отсюда отправляли машины доставки.

Возле этого въезда и расположилось место для курения – ничем не огороженное, никак не обозначенное. Сориентироваться можно было разве что по самим курильщикам в красных футболках: продавцам, техникам – тут обязательно кто-нибудь стоял, иногда собиралось человек пять-шесть.

Игорь отоходил чуть в сторону, на пару шагов; как, наверное, и положено новичку – там же, где и все, но пока ещё сам по себе. Смотрел на автомойку (напротив сервиса, через дорогу); высокие тополя за ней – лохматые, растрёпанные, взблamoшные, бурчащие всякий раз, как подует ветер; офисную десятиэтажку со столовой «Штурвал» на первом этаже. Дальше была набережная – отсюда уже не видно – мост, выгнувшийся как кошачья спина; заваленные всяким мусором склоны-берега; снова старые двухэтажки, между которыми

росли новые жилые комплексы – стеклянный жэ-ка «Изумруд», хмурая и серьёзная «Славянская усадьба»... Впрочем, представить можно было что угодно – *десь там у найвищих глинбах, десь там, у найглибших висотах* – море вместо речки, или степь, или лес – густой, закарпатский, как в клипе Русланы...

И тут Ждан услышал «привет», совсем рядом. Игорь не заметил, как она подошла, встала возле него, закурила – девчонка с мелкой бытовой. Всё утро она возилась с пылесосами – двигала, выставляла, собирала-разбирала – ходила туда-сюда вдоль вертикалок.

– Ждан Игорь, – прочитала девчонка на бейджике.

С распущенным хвостом её лицо показалось Ждану более приветливым, открытым, чем в зале. Он хотел точно так же, вслух, прочитать и её фамилию-имя, но бейджика не оказалось.

– Упс, – сказала она и тут же раскрыла ладонь, показала его, как какой-нибудь пропуск.

– Лисицина Ольга, – кивнул Игорь.

Распустила волосы, сняла бейдж, закурила – словно это была другая Лисицина, не та, что в зале; в лучшем случае – сестра-близнец.

– Тебя вместо Болоцкого взяли?

– Наверное, – ответил Ждан. *Его* шкаф, *его* стиралки, *его* подруга? Главное, чтобы теперь не завалили какие-нибудь: «нам Болоцкий денег должен – а теперь, значит, ты».

– Ясно, – сказала Оля. И вдруг заметила что-то. – Ой, – она хлопнула Ждана по плечу. – Глянь.

Под шлагбаумом сидел кот – крупный, полосатый, с довольной (самодовольной) мордой – казалось, даже ухмылялся. «Нормальный Васька, – говорил про таких отец Игоря, – а то заводят на кой-то хрен себе этих курносых, или лысых-пучеглазых». Лисицина присела на корточки и погладила кота по спине. Тот чуть отодвинулся, но убежать не стал.

– Считай, наш талисман, – сказала Лисицина. – Когда только выкупили здание, приехали посмотреть – начальство всё – ещё на заброшенный ангар, пришёл этот кот. Жил он здесь. И кто-то из верхов, Шуть или Спичка, решили, что это – хороший знак. Кот пару месяцев был на балансе магазина. Ну, в смысле, еду для него прописали как статью расходов, в бухгалтерии рассказывали. Сейчас, правда, бабло уже не выделяют, обычно у охраны кормится, – она махнула на будку. – Или мы иногда чего-нибудь приносим.

– Типа: погладь кота, и все продажи – твои? – усмехнулся Игорь.

– Нет, – ответила Оля, – это тебе не памятник «шаре».

– Режим «Био», – подсказал он, – для био-порошков. Вообще, био-добавки – это энзимы, микроорганизмы, которые питаются грязью с вашего белья, и чтобы они активизировались, проще говоря – ожили, нужна температура сорок градусов; тридцать девять мало, сорок один много.

– А что потом происходит? В смысле, с этими микробами?

– С энзимами-то? Всё, миссия выполнена. Их племя благополучно сливается в канализацию.

– У каждой стиралки, – продолжил Чижов, – есть сливной фильтр, внизу. Открываешь вот эту крышку – давай смелее – и выкручиваешь... Против часовой, – напомнил он.

Ждан чуть надавил на пластмассовую ручку, затем сильнее – показалось, что она вот-вот треснет – и фильтр поддался: оборот, другой, третий...

Вдруг полилась вода. Игорь замер и посмотрел на Костю.

– О, нет! – сказал Чижов идиотским голосом и схватился за голову. – Что вы мне подсовываете? Она с водой, она бэушная! Вы меня решили наебать! В ней стирали! Она была в сервисе!

– Что за фигня? – не понял Ждан.

Перед машинкой натекла небольшая лужа – стакан, максимум два.

– В фильтре задерживаются всякие ниточки, пуговицы и прочая хрень, чтобы не забилась помпа. Раз в месяц-полтора фильтр рекомендуют чистить.

– А вода откуда? – снова спросил Игорь.

– Заводские испытания. Стиралки проверяют на герметичность – прогоняют с водой. Допускается до полулитра остаточной влаги.

Ждан стряхнул капли с рук и закрытил фильтр обратно.

– Проблема, – сказал Чижов, – в том, что про это нигде не пишут. Ни в инструкциях, ни в каталогах. Начинаются потом истеричные звонки: её ремонтировали! её уже продавали!

– А почему бы не написать? Неужели так сложно?

– Хрен его знает. Я и у представителей спрашивал как-то – почему про это нет нигде. Один сказал, что и так все знают, другой пообещал донести мысль до руководства... Так, – Костя показал на лужу, – сходи за тряпкой и убери следы преступления.

Олейников, вот уже полчаса общавшийся с большой компанией, тоже зашагал к терминалу. Выписал одну машинку, отложил заказ возле клавиатуры, и сразу же выписал ещё одну – такую же. Похоже, день всё-таки раскачался.

Пока Игорь вытирал воду, Олейников проводил людей к кассе, заскочил на склад за тележкой и лихо – Ждан даже не успел предложить свою помощь – снял стиралку с поддона, подхватил тележкой и покатил к выходу.

– Самовывоз, – сказал Чижов. – Давай поможем – растянем ряд... Дырок быть не должно, поэтому, когда что-то продаётся с витрины, либо выставляется дубль, либо машинки немного сдвигаются, чтобы не было явной дыры. Когда не хватает одной-двух в ряду, лучше раздвинуть, ну а если больше, то уже без вариантов, надо выставлять.

Костя стал двигать с одной стороны, Игорь – с другой;

правда, получалось у него не так резво.

– А что вы делаете? – спросил Олейников.

– Твою работу, Сашенька, – Чижов прищурился. – Кто-то же должен.

– Бля, я кандюху хотел сюда выставить.

– Зачем? На фига сейчас дубли плодить?

– Потому что её нет на витрине.

– А чего это *мы* технику не выставяем? – в словах Кости послышалась уже не издёвка, а что-то большее, будто желание спровоцировать. – Или не штрафовали давно?

Лицо Олейникова мгновенно покраснело, пошло пятнами, как у аллергиков, – но ответ получился на удивление спокойным.

– Ты не старший продавец, – сказал он. – И не заведомом.

Чижов отвернулся, постучал по крышке боша. Затем посмотрел на Игоря.

– Помоги ему. А я схожу попою кофе.

– Вот эту, – показал Саша, – верхнюю. Хватай за бандажки, и аккуратно спускаем. Готов?

Бандажные ленты обожгли ладони. Стиралка была тяжёлой, или показалась тяжёлой – Ждан уже давно ничего не таскал, наверное, с прошлого года, когда помог соседу избавиться от старой ванны и занести новую. У чепэшников же коробки был куда легче, да и тягать их не приходилось.

Они поставили машинку на пол и поволокли к рядам.

Олейников тянул за бандажки, шёл спиной вперед, оглядываясь через плечо и быстро-быстро перебирая ногами. Ждан толкал с другой стороны. Пенопластовое дно тёрлось о кафель и противно скрипело, особенно на поворотах.

– Всё, здесь бросаем, – Олейников выпрямился и расправил плечи. – Теперь давай вернём назад то, что вы с Чижовым надвигали. Она будет стоять между этими, – он хлопнул по индезиту и занусси.

Они распечатали машинку («Не рви сильно, её потом сюда же упаковывать») и поставили на поддон («Наступи ногой на пенопласт»).

– Сколько она весит? – спросил Игорь.

– Килограммов шестьдесят пять, – ответил Саша. – Не горешка... Давай протри её, чтоб вот этого не было, всю документу в барабан. Я пока упаковку на склад оттарабаню.

В 1995 году на 100 домашних хозяйств в Украине приходилось 55 стиральных машин, по итогам 2006 года этот показатель составил 78 единиц.

– С дублями, – сказал Саша, – у нас странная политика. То Халин рассказывает истории про консервы, мол, если я ни хера не понимаю в консервах и в одном магазине увижу, что полка забита консервами под завязку, а в другом стоят три жалкие банки, – я куплю там, где забито, потому что пойму, – он покрутил указательным пальцем, скопировал жест

Халина, – что эти продавцы в консервах разбираются. А через неделю, – Олейников покуртил средним пальцем, – никаких, блядь, консервов; никаких, блядь, дублей... Тебе Чижов-то рассказал про правила расстановки?

– Нет, – покачал головой Игорь.

– Понятно, – Саша глянул по сторонам, – великий, блин, учитель... Короче, смотри – все стиралки делятся по размеру: узкие – меньше сорока сантиметров, средние – от сорока до пятидесяти пяти, и полногабаритные – пятьдесят пять и больше; отдельно – вертикалки и вёдра с моторами. В пределах каждой группы – расставляются по цене. Так змейкой и идут – от самой дешёвой к самой дорогой, затем средние – от дешёвой к дорогой, затем большие... Сначала стиралки расставлялись по брендам, были такие островки – там бошеры, там люксы, там лыжи. Потом отдел маркетинга почухал репу и решил сделать всё по-новому. Мы с Болоцким полдня в пятнашки тут играли... Он ещё сдыхал раз в пять минут: ой, не могу больше, ой, спина болит... Но, кстати, когда по цене расставленно, гораздо удобней – легче заметить на сколько денег покупатель рассчитывает; он как стрелка на термометре – где остановился, там и «тепло»... Ты же знаешь, что нельзя спрашивать про бабки в лоб?

– Почему? – удивился Ждан. У чепэшников это был чуть ли не первый вопрос: «На какую сумму вы рассчитываете?»

(Made in Italy)

– В одном итальянском городке, – Чижов снова встал за терминал, как за трибуну, – жил да был старик Мерлони. И было у него три сына. Франческо, Витторио и Антонио. В своё время старик подсуетился: организовал фирмочку по производству весов. Дела шли успешно, фирма процветала и расширялась – вскоре, кроме весов, старик занялся ещё и газовым оборудованием, водонагревателями, плитами, другой бытовой техникой. Когда сыновья подросли, он отдал каждому какую-то часть: старшему, Франческо, досталась бытовая техника, Витторио – водогрейки, а младшему, Антонио – весы и газовые баллоны. Одно время эти три фирмы назывались мерлони-что-то, а потом появились знакомые нам аристон (это у старшего), индезит (у среднего) и ардо – у младшего. Со временем, Франческо и Витторио решили действовать совместно, причём заправлять всем стал средний; Антонио же – так и остался сам по себе.

Согласно финансовым отчётам, объём продаж Indesit Cotranu в 2005 году сократился (3,06 млрд. евро против 3,1 млрд. евро в предыдущем году). Продажи техники ARDO, напротив, выросли на 19% по сравнению с 2004 годом и составили около 1 млрд. евро.

За день Ждан будто заново перезнакомился со всеми на отделе. С Лёхой Шевелем (который поднимал воротник)

и Валерой Нефедовым (старшим продавцом) – заочно: один был выходной, другой – догуливал отпуск... Всего на кэ-бэ-тэ, не считая Халина-зава, работало восемь человек: Сотник с Шевелем отвечали за встройку; Чижев – за водогрейки, обогреватели и кондёры; Олейников, теперь уже вместе с Игорем, – за стиралки; Миша Малик (Халик звал его мэ-мэ) и Юра Сохацкий – за холодильники; Нефедов же, как старший, обходился без «своей» техники.

– А почему ни на какой? – не унимался Левич. – Ты что – особенный?

– Нет, – тихо ответил Ждан. – У нас так принято.

Центр тяжести сместился. Из будто-бы-свидетеля Игорь превратился в соучастника, а то и главного обвиняемого. Тут уж или соглашайся со всем, или – вслед за Маликом.

– Что, блядь, принято? – рявкнул Левич.

– То, – Игорь чуть было тоже не вставил «блядь», – что старший продавец не отвечает ни за какую группу товара, – он говорил уже ровно и спокойно, как с покупателями. – Не я это придумал.

Холодильщики – Сохацкий и Малик – выглядели как парочка из ситкома: вечно бурчащий Юрец – бледный и худой; и рубаха-парень Михей – полный (от пива-мяса добреют), с детским лицом. Разные темпераменты, но общая работа.

«Привет, Сохатый!» – «Пузо подбери, а то уже по полу волочётся». (Закадровый смех.)

До того как попасть на кэ-бэ-тэ Юра успел месяц, или даже чуть дольше, поработать на а-вэ отделе. Потом его перевели: на крупной не хватало людей, а на аудио-видео, наоборот, было много... Впрочем, по слухам они чего-то там не поделили с Левичем. Так что фирменную угрюмость Сохацкого можно было прозвать «тоской эмигранта-изгнанника»: «Иногда он закрывал глаза, – едва сдерживая смех, будет декларировать Костя, — и будто бы снова переносился к бескрайним, уходящим к горизонту рядам малазийских телевизоров, таким родным китайским ди-ви-ди и разрывающим сердце на части автомагнитолам».

И так всегда: они находили свободную лавочку или, если шёл дождь, заскакивали в какую-нибудь кофейню. Садилась и тут же протягивали друг другу листочки. Свои она каждый раз подписывала «Ты», а вот он постоянно выделялся: «U», «4U», «ту ю»... «Оля проснулась в начале восьмого», – прочитала она. «Игорь чуть было не опоздал», – прочитал он.

– Ну что, – спросил Олейников, – выучили с Чижовым стиралки? – *чего-там-твой-чижов-насочинял.* – Знаешь, например, почему узкие стоят дороже?

– Изначально разрабатывается полногабаритная модель, –

процитировал Игорь Костю. – Уже потом её переделывают в компактную и совсем компактную...

– Само собой, – сказал Саша с издёвкой. – Именно так все и объясняют.

– А что тогда?

– Вот нет у тебя места на большую – и что? Придётся платить, покупать компактную. Такое вот наебалово. Нельзя одновременно сэкономить и место, и деньги.

Ждан представил как пересказывает эту версию ценообразования Чижову, как он также, с издёвкой-ухмылкой, говорит: «Да-да, за́говор производителей, куда только антимонопольщики смотрят?», слушай Олейникова – и будет тебе счастье.

– А как ополаскиватель попадает в бак? – Саша выдвинул лоток и показал на правый отсек, тот, что с цветочком. – Отсюда. Сзади-то всё закрыто.

Иногда на выходных, когда нечем было заняться, да и настроение – не очень, Олейников любил заскочить к конкурентам, найти жертву-продавца и поиздеваться всякими такими вопросами. «В „Комфорте“, – похвастался он, – человек пять чухали репы по поводу ополаскивателя – и старший с ними был, и представитель какой-то. Смотрели что-то, в инструкциях рылись».

– Так что? – Саша вынул лоток из индезита (вернее, вырвал – с громким хрустом, будто сломал) и отдал Ждану. – Есть версии?

Подошла девушка с компьютерного, обняла Олейникова за плечи, затем взяла под руку.

– Я его забираю, – сказала она.

– Да, – согласился Саша, – а ты подумай над головоломкой. Я пока чай попью.

Игорь покрутил лоток, словно какую-нибудь шкатулку Лемаршана – из нового, почти безбюджетного продолжения – straight-to-video, в самом худшем варианте.

– Кстати, – обернулся Олейников уже дойдя до конца ряда, – помнишь, кто накормил Будду, когда он ссохся от голода и никчемных медитаций?

– Бродячие торговцы?

– Именно! – Саша выставил вверх большие пальцы, и тут же девушка с силой дёрнула его вперёд, потянула мимо своего отдела на выход. Будто пьяного мужа домой.

Через минуту Ждан вставил лоток обратно, тоже с хрустом – пришлось даже стукнуть.

«Мишенька! – женщина схватила мальчика за рукав. – Успокойся!»

Он на мгновение замер, но тут же, едва Игорь продолжил говорить, высвободился и снова затанцевал, вернее – запрыгал вокруг Игоря, расставив руки в стороны, закатив глаза – как гаитянские жрецы у Майи Дерен.

«Морозильная камера здесь больше, – сказал Ждан, – и значительно, на тридцать литров». Он попробовал от-

влечься от «пляски смерти», сосредоточиться на привычном – покупателе, холодильниках, продаже, – но не вышло – голова сама поворачивалась в сторону танцующего мальчика – вправо, влево, – словно мишенькин лоя завладел и игровым рассудком. А ещё Ждан вспомнил цыганчат, скачущих вокруг жертвы, у которой пожилая цыганка выманивает деньги.

«Мишенька!» – вновь сказала женщина. Строго, но при этом без злости. Как-то обречённо. Не удивительно, мальчик отвлекся от пляски совсем ненадолго.

Игорь всё-таки смог объяснить, и чем удобней нижняя морозилка, и что с плачущей стеной «придётся раз в полгода размораживать, зато экономичней», и что «грузчики в квартиру занесут».

«Я в субботу зайду с мужем, – сказала женщина, – пусть тоже посмотрит».

«Конечно», – ответил Игорь и протянул визитку. (Бля, подумал он, надеюсь, Мишенька пошёл не в отца).

Свой первый штраф Ждан получил за опоздание. На третий день, в четверг. Он поднялся в раздевалку в половине девятого и даже не заметил куда делись «запасные» пятнадцать минут: как и днём раньше, Игорь переоделся, переобулся, сложил джинсы, повесил футболку – всё это время на фоне другие продавцы разговаривали, шуршали пакетами, гремели тремпелями – то громче, то тише... Когда Ждан закрыл

дверцу, в раздевалке уже никого не было. Он глянул на часы и – 8:46 – бегом по лестнице, придерживаясь на поворотах за перила, перепрыгивая по две-три ступеньки за раз... «Ну а если превысить скорость света, – рассказывала их школьная физичка, как-то странно прихмыкивая, – Эйнштейн считал, что время пойдёт в обратную сторону».

Возле стола проверки стояла Ужва.

– Здрасьте, – сказал запыхавшийся Игорь и потянулся было за списком, но завождем схватила листик первой.

– Куда тянешься? – спросила она. – Не можешь приходить вовремя, так нечего комедии ломать! Правила у нас для всех одни. – Ужва покосилась на туфли Ждана. Как бы невзначай.

Игорь почувствовал, что его физиономия стала совсем кислой. Обидно было не столько из-за минус двух долларов (хрен с ними), и не из-за интонаций Елен Палны, которая говорила так, будто он только и делал, что опаздывал – а потому, что штраф случился вперёд первой продажи – пусть и холостой, бесплатной, записанной на Чижова. К кассам Ждан побрёл уже не спеша – считай, оплачено.

– Ой, – услышал он знакомый голос, – а я боялась, что сегодня Левич открывает.

Ждан обернулся. Перед Ужвой стояла Лисицина – волосы собраны в хвост чуть ли не на макушке, в ушах – большие круглые серьги, как у мулаток в клипах.

– Левич не Левич, – сказала завождем, – а микроволновки уже заждались.

– Бегу, бегу, – Лисицина взяла у Ужвы список, приложила к стене и расписалась.

Ждан подумал, что штраф минует и его – на первый раз, в порядке исключения – но нет, открыв через полчаса таблицу на терминале, он увидел: «КБТ Ждан 2 опоздание». А ниже была ещё одна запись: «КБТ Сотник 4 опоздание».

«Чё? – спросил Халин. – Будешь мне теперь рассказывать, что аура у шкафчика плохая?»

– Я обычно спрашивала так: «Что должна делать микроволновка?» Или: «Какие у неё должны быть функции?»

– Короче, нужна стиралка, – Чижов причмокнул губами и закивал в такт модной песенке, звучавшей за день уже раз третий. – Такая, ну ты понял, нормальная. Чтоб современная, со всякими наворотами, – он подбросил и поймал «рабочую» трубку. – И не понты там какие-то, а реальная та-чила. Я ща вот просто ремонт доделываю и буду баб потом к себе водить. Так что надо, чтоб всё в порядке.

– Если позволяет место, – Игорь еле сдержался, чтобы не рассмеяться, – лучше взять полногабаритную. Шестьдесят на шестьдесят...

– Это вот такую типа? – Костя перегнулся через электролюкс и зачем-то поглядел на заднюю стенку. – А почему она лучше? Того, что больше и дороже?

– Во-первых, цена полногабаритной, как правило, та-

кая же, что и у компактной, или чуть ниже. Во-вторых, полногабаритные более устойчивы, а значит меньше вибрируют и шумят. И в-третьих, загрузка: больше объем барабана, больше помещается белья.

«Рабочая» трубка запищала.

– Ща, погоду чуток, – сказал Чижов и тут же вышел из образа. – Здравствуйте, – ответил он и улыбнулся, будто поприветствовал кого-то вживую, – отдел кэ-бэ-тэ... Он в отпуске, будет на следующей неделе, в среду. Может, я чем-нибудь помогу?.. Ага... Хорошо, конечно... Всего доброго.

Костя нажал отбой и положил телефон на стиралку.

– Так, а если мне не надо стирать по пять кило, – он снова закивал в такт песенке, теперь уже другой, но тоже модно-танцевальной, – это чё, копить целую неделю?

– Нет. В большинстве машин есть автовзвешивание – она определяет сколько белья загружено и соответственно дозирует воду, тратит меньше электричества на нагрев... И ещё, вес весом, но бывают лёгкие и объёмные вещи, которые в компактной не особо и постираешь. Тот же пуховик, например.

– Тема, – согласился Чижов. – И чё из этих больших посоветуешь?

– Вот это неплохие варианты – полнофункциональные, с дисплеем. Или тот бош.

– О, нормальды. Чисто взял бош – и струячь. Кто их делает?

– Электролюксы – Италия. Бош собирается в Польше.

– Не-не, ты чё! Давай, ты понял, лучше электролюкс. Чего этот на две сотки дороже?

В итоге Костя купил ту, что на тысячу оборотов. За наличные, с доставкой. Вернее – «Костя» «купил». Ждан сбегал на инфо уточнить, на когда есть места («Завтра, – ответили девчонки в один голос. – Ещё остались на утро»), распечатал заказ – играть так до конца, – и протянул Чижову:

– Оплачивайте на кассе, и потом на инфо – столик рядом.

– Понял, – Костя скомкал листик и бросил в корзину возле терминала. – Спасибо.

Первая же настоящая продажа состоялась у Игоря в пятницу. Причём покупатель был точь-в-точь, как сыгранный Чижовым. Правда, пришёл не один, а с девушкой.

«Пока ремонт не закончил, подумал Игорь, баб не к себе, а с собой».

– Короче, – сказал парень, – нужна стиралка.

Они остановились посреди второго ряда – с одной стороны индезит и самсунг (на индезите заканчивались узкие, с самсунга начинались средние), с другой – канди и аристон.

– Ой, какая маленькая! – почему-то обрадовалась девушка. – И три с половиной килограмма.

Лицо засияло, в глазах пробежала искорка; без адресата: ни для парня, ни для Ждана, даже ни для самой себя – ей будто и не важно было, кому светить, главное – светить. На се-

кунду фронты машинок стали смайликами – *приняли на свой счёт?* – ржущий электролюкс, удивленная канди, подмигивающая эл-джи (прямо, как на логотипе).

– Что машинка должна делать? – спросил Игорь.

– Стирать, – парень посмотрел на него, будто на идиота.

Как в анекдоте: «Училка ничего не знает – всё у нас спрашивает».

– Ну да, – согласилась девушка. – А что ещё?

– Есть ли какие-то функции, которые обязательно должны быть?

– Ты нам расскажи, что бывает, а мы выберем.

– Расскажите, – поправила девушка и легонько толкнула парня: чего ты вечно тыкаешь?

– Для начала, – сказал Ждан, – давайте определимся с габаритами. Если место позволяет, лучше остановиться на полногабаритной – шестьдесят на шестьдесят. Из вот тех...

– Ого, – девушка смешно надула губы, словно передразнивала кого-то, – такие большие!

– Место-то позволяет... Так а чё – три килограмма мало, что ли?

– По весу не мало. Но не забывайте про объём, – Игорь открыл люк узкого индезита (сверх-узкого, U в маркировке означала «ultra»). – Видете? – он постучал по задней стенке барабана. – Раз и всё: большую вещь уже не постираешь... Кроме того, чем меньше площадь опоры – тем больше виба-

ций и шума при отжиге.

– Точно! – снова засияла девушка. – У Мыши, помнишь? Маленькая, а грохочет, как трактор!

– Мыша твоя, – фыркнул парень, – напостояй выбирает всякую фигню – ей лишь бы всё блестело и сверкало. И название помоднее.

– Если б у вас было всего тридцать пять сэ-мэ, – сказал Ждан – тогда, да – никуда не денешься.

– У нас места хватит, понял, и на две огромные, – парень показал в сторону «вот тех», – но как-то не хочется такой гроб ставить... Да и вообще, я эти понты не понимаю, когда покупают что-то большое, потому что так круче; с наворотами каким-то, в которые толком и не врубаются. Или платят типа в три раза дороже, лишь бы надпись бош была...

«Были такие игрушки на компе, – рассказывал на днях Халин, – имитирующие свидания-отношения. Сперва ты слушаешь, что деваха говорит о себе, своих хобби, прочую хрень. А потом у тебя типа выбор, куда её пригласить вечером: в кино на какой-то ужастик, в клуб потанцевать или поужинать у итальянцев. И ты вспоминаешь – ага – она говорила, что ненавидит громкую музыку, а из фильмов смотрит только комедии, а оливок съест хоть целую банку... Вывод? К итальянцам. Потом надо выбрать подарок, куда-то с ней съездить... И тэ-дэ, пока не переспишь... С продажами принцип тот же: слушаешь клиента и выхватываешь какие-то фишки. Не только, и не столько пожелания, а как бы

подмечаешь сами ценности – например, „нам бы на тыщу двести оборотов“ у одних означает „сосед купил на тыщу“, у других – типа современной, у третьих – запас прочности: куплю на тыщу двести, а отжимать буду на восьмиста, и машинка дольше проживёт. Соответственно, для одних важен престиж, для других – новизна, для третьих – надёжность».

«Переплачивать за название», услышал Ждан, «ненужные функции», «быстрее на новый холодильник накопим» и в голове мгновенно всплыло «рабочая лошадка», сказанное кем-то из продавцов.

– Я бы посоветовал, если не полноразмерную, то всё-таки не совсем и компактную – средний вариант: сорок два – сорок пять сантиметров. На четыре с половиной – пять килограммов.

– Такая ещё ладно, – согласился парень и зачем-то, так же как и Чижов днём раньше, перегнулся через машинку (лёг на неё), посмотрел на что-то, покрутил шланг. – А чё из них? – спросил он. – Эл-джи – нормально? Или лучше самсунг взять?

– Эл-джи и самсунг, – ответил Игорь, – это прямые конкуренты. Как кока-кола и пепси-кола...

– Я такое, понял, не пью, – перебил парень.

– И я, – добавила девушка и взяла его за руку.

– Образно выражаясь. Скажем так: они сопоставимы по качеству. Стоит глянуть конкретные модели – что где по функциям – и выбирать из этого.

«А сушка в каждой есть?» – спросили у Игоря. «А отжим и сушка – разве ни одно и то же?», «А электроника – это надёжно?», «А зачем нам дисплей?», «Как *весы?*», «Как *часы?*»

– А когда летнее солнцестояние? – спросила вдруг девушка. Непонятно у кого.

– Уже было, – ответил Ждан. – В июне.

Он будто и не заметил, что вопрос «не в кассу». Хотя, кто знает, вдруг так у них заведено: никаких покупок до Купай-ла.

– Оба варианта, – подытожил Игорь, – и сто пятьдесят, и сто шестьдесят – рабочие лошадки.

– Ну а чё? Это и нужно.

– А так разницы почти нет. В сто пятидесятой – *такой* программатор, здесь же – нажимаете клавишу. В остальном, – Ждан быстро пробежал взглядом по подписям на панелях, – разве что, в сто шестидесятой нету био-стирки и положения в шестьсот оборотов отжима...

– Чё-то ручкам я доверяю больше.

– На мой взгляд, тоже, – согласился Игорь, – удобней.

– А нам сказали, – девушка обошла его, словно перекрывала пути к отступлению: парень с одной стороны, она – с другой, – что в магазинах можно торговаться.

Ждан сразу же вспомнил того ежедневного чижовского покупателя, которому *кто-то* постоянно что-то говорил. И представил себе этого самого *кого-то*, например, по теле-

визору – бокониста-пятидесятника: «плодитесь, размножайтесь – торгуйтесь, не стесняйтесь».

– Торговаться-то можно, – ответил Игорь, – но, к сожалению, на эту модель...

– Давай, – парень решил, что не обязательно знать, к чьему сожалению и почему именно на эту. – Мы её берём.

Доставка («Да, бесплатно. Поднимут на этаж, занесут в квартиру»). Наличные.

Работать с базой, выписывать, Ждана учили то Чижев, то Олейников, то Халин – и теперь под каждое действие всплывали комментарии-подсказки то одного, то другого, то третьего. «Если доставка, проверяй сперва по складу», – подсказывал Андрей; «не забывай себя здесь выбрать», – напоминал Саша; «всегда смотри, чтобы примечаний не было», – повторял Костя. Команда поддержки – правда, не особо сложенная. «Вгоняй название целиком», – говорил Олейников. «Вводи первые буквы, а дальше лучше пролистни, – перебивал Чижев, – поиск вечно залипает».

Из принтера выполз листок с надписью вверху: «Центр ответственности: Чижев Константин».

– Спасибо, – сказала девушка.

– Ага, – кивнул парень. Или согласился со спасибо-продавцу, или подумал, что это ему.

«Пользуйтесь с удовольствием», сказал бы Чижев. «Теперь на очереди – новый холодильник, затем – посудомойка», сказал бы Олейников.

– Всего доброго, – сказал Ждан.

Стиралка эл-джи так и осталась его единственной пятничной продажей. Впрочем, на то она и первая – лицо без толпы, диплом-сертификат на пустой стене – такие легко подминают под себя весь день. Ждана порадовало, что всё прошло без тупиков-заминок. Так, по крайней мере, казалось.

«Я на тебя машинку продал», – сказал он Чижову. Постарался как бы между прочим, но не получилось – довольная улыбка так и расплзалась по лицу (детское: «Как слон»). «С почином!» – поздравил Костя и пожал руку. «Ты какой день сегодня?» – спросит Андрей чуть позже. «Четвертый», – ответит Игорь. «Тогда порядок. Все на третий-четвёртый совершают первую продажу. Что за тачка?» «Эл-джи. Энка». «Нормально. У меня, правда, почином был бош. Макс четыре, немецкий».

У каждого помещения свой характер и свои привычки. И с этим, горбатого – могила, ничего не поделаешь.

– Кстати, – сказал Халин, – и я как-то забыл, и ты не напоминаешь...

– Про что? – не понял Ждан.

– Про выходные. Пока ты стажёр, будет один в неделю. Какой день удобней?

– Ну, – Игорь пожал плечами. – Давай понедельник.

– Согласен, день тяжёлый. Хорошо, а потом уже как

у всех – восемь-девять в месяц. Там, правда, будет плавающий график – когда как получится.

Наклейка была порвана и получалось «Запасной вы», а на соседней двери была другая наклейка, целая: «Запасный выход».

– В своё время, – сказал Чижов, – торговля льдом была бизнесом. Особо шустрые сколотили миллионы. Лёд собирали с поверхности замёрзших озёр и рек, и отвозили в тёплые края в специальных ящиках или вагонах – по сути, в термосах. Вот эти сумки, – он взял одну из лежащих на «офисных» холодильниках, расстегнул молнию, – фактически аналоги, разве что, теплоизоляция у них не кроличий мех, как раньше. Да и вот, – Чижов постучал по стоящим рядом синим боксам с ручками, – из той же серии. Они не охлаждают, а просто держат температуру внутри. Часов на двенадцать хватает, как раз на какой-нибудь пикник смотаться. Можно, к слову, использовать аккумуляторы холода – такие контейнеры с голубой жидкостью – их сперва замораживаешь в обычной морозилке, бросаешь в бокс и тогда около суток будет холод держаться. У нас периодически продаются. Хотя, если что, можно использовать и обычные бутылки с водой.

Игорь вспомнил школьную задачку: какое мороженое растает быстрее – завёрнутое в шубу или нет? И ответ-картинка:

истекающее потом эскимо с перекошенным ртом, и другое – улыбающееся, в шубке с меховым воротничком.

– А этот, кстати, – продолжил Костя, – выглядит так же, но уже с кабелем, работает от прикуривателя. Такие охлаждаются. У него внутри две металлические пластинки – когда пропускаешь ток, тепло перекидывается с одной на другую и – видишь вентилятор? – выводится наружу.

Почему тепло передаётся, Ждан не сообразил, но уточнять не стал.

– Ты же знаешь, – сказал Чижев, – то, что мы называем «получить холод», на самом деле означает «вытянуть тепло»? – он вынул что-то невидимое из холодильника и бросил себе за спину.

Игорь кивнул.

К полуторометровым моделям, тем, что сразу за «офисными», подошли средних лет мужчина и женщина – одинаково полные-плотненькие, невысокие, – открыли дверцу, молча переглянулись, закрыли, шагнули к следующему.

– Здравствуйте, – сказал им Чижев. «Толстячки» не ответили, мужчина лишь на секунду отвлекся от стенок и полок, к чему-то прислушался, и тут же хлопнул дверцей.

Они шли от холодильника к холодильнику, ни одного не пропуская, повторяя перед каждым этот ритуал: открыли, пару секунд порассматривали что-то внутри и закрыли – дальше, дальше, дальше. Как туристы, которым надо отметить перед каждой картиной в каком-нибудь Лувре.

– И хоть бы в каком-нибудь, сволочи, жратву или пиво оставили! – усмехнулся Игорь.

– Наебалово, – согласился Костя.

– Но в премиумах, – сказал он, – может, чего и будет. Продавцы отдела крупной бытовой, – почему-то официально, – когда приходят с бодуна, любят включить какой-нибудь модявый и загрузить в морозилку колу или минералку.

Тем временем мужчина и женщина дошли до двухметровых – хлопнули турецким бошем, лыжей с дисплеем, люксом. Откуда-то вынырнул Сохацкий, вроде как хотел предложить свою помощь-консультацию, но на полпути передумал – остановился и отвернулся к водогрейкам. «Толстячки» заглянули в последний холодильник в ряду (горенье пинин-фарина) и – видимо, никто с кэ-бэ-тэ вчера не пьянствовал – толкнули дверцу и направились через встройку на выход.

«Смотрим – несётся мужик, к нам или даже – на нас. В руке сжимает инструкцию. Оранжевую такую, к занусси. Все мгновенно теряются: мэ-мэ резко захотел поправить ценники, Сотник тоже что-то там, Шевель просто шагнул назад. Вот, думаю, твари, блин. Ну ладно – что делать? – иду мужику навстречу, здороваюсь. „Мы у вас стиралку покупали“, – говорит он и показывает инструкцию. Всё, думаю, сейчас начнётся: здесь написано, что должен быть ключ; шланг на картинке длиннее; ни слова про Италию... „Нам нужно ещё две“, – сказал мужик. И глянув на мою удивленную мор-

ду, типа уточнил: „Таких же“».

– Первые советские холодильники стали выпускать у нас на тракторном в конце тридцатых годов. Если не ошибаюсь, они так и назывались – хэ-тэ-зэ, и какой-то номер.

Чижов открыл тумбу терминала и вытянул несколько каталогов.

– Так, – сказал он, – держи, – и протянул стопку Ждану. – Здесь считаешь про компрессоры, тут про ноу-фрост неплохо написано, а вот как раз про двухкомпрессорные. Иди в столовку, попей кофе и заодно поизучай. А потом обсудим.

Игорь отнёс каталоги наверх, бросил на стол и, прежде чем зарыться в них, решил спуститься покурить. У складских ворот стоял Шевель. Увидев его, Ждан подумал было вернуться, но Лёха кивнул: иди, кури, ничего страшного. «Ты стажёр, – сказал он. – Это не считается. Не оштрафуют». Воротник у Шевеля был, как всегда, поднят, только в этот раз казалось, что Лёха не специально его поднял, а наоборот, торопился и забыл поправить.

В столовой Игорь просидел минут сорок – полупару. Странно, но за это время никто не зашёл попить чай-кофе или пообедать. Легко было представить, что все уже ушли из магазина, почему-то раньше – *эвакуация?* – а про него и не вспомнили.

За окном застыл летний полдень; дремали облака – пу-

шистые, как взбитые венчиком сливки. По столовой скакали солнечные зайчики – играли в салки на столе и стенах (иногда почему-то замирая на наклейке «Не курить»), прыгали по серебристому чайнику и микроволновке, заглядывали в чашку; пробежали и по глянцевым страничкам, стараясь угадать строчку, которую Игорь в тот момент читал. Чаще всего угадывали.

Многое в каталогах и брошюрах повторяло рассказанное Чижевым, только теперь со схемами, разрезами и разноцветными стрелками. Картинки напоминали иллюстрации в анатомических атласах: кровеносная система (красная змейка конденсатора, синяя – испарителя), компрессор-сердце с клапанами, кожа-теплоизоляция. Игорь прочитал про хладогенты («Хрень, что кипит при минусовой температуре») – уже не использующийся эр двенадцать («У нас его звали фреон-12»), про эр сто тридцать четыре («В большинстве») и про эр шестьсот («Экономичней и экологию не портит»). Про «плачущую стенку» (вполне официальное название), про двухконтурную систему (компрессор один, а регулировка температуры отдельная, как с двумя), про ноу-фрост (равномерный холод, не нужно размораживать) ... К слову, оказалось, что снежинки, которые Игорь считал просто эмблемой морозилок, означают градусы в ней: одна – минус шесть, две – минус двенадцать, три – минус восемнадцать.

Каталог норда удивил Ждана, вернее – озадачил. «Недорогие отечественные» на фотографиях были забиты всяки-

ми экзотическими фруктами (их названий Игорь и не знал), шампиньонами, консервированными ананасами, фужерчиками с разноцветным желе, минералкой в стеклянных бутылках – никаких тебе кастрюль и накрытых тарелками мисок; в морозилках лежали тигровые креветки, шоколадные пирожные, коробки с пиццей и пакеты с овощными смесями. Некоторые продукты кочевали из модели в модель, словно были обязательными пунктами потребительской корзины.

– Глянь, чем питаются владельцы донбассов, – скажет Ждан Чижову.

– Если на картинке будут привычные колбаса да каша, – ответит Костя, – не возникнет мостика, – то, о чём мы говорили, помнишь? Нафига тогда деньги тратить? Покупать билеты на автобус, который никуда не поедет?

«У вас акулы есть?» – спросил он. «Что?» – не понял я. «А-ку-лы», – повторил он, зачем-то по слогам. «Что за акулы?» «Ясно», – он махнул рукой и зашагал куда-то на а-вз.

Олейников не обманул – субботним утром нельзя было не заметить, что магазин открылся: люди всё шли и шли, будто ко входу подкатила набитая электричка и выйти в город можно было только через вокзал-супермаркет. А заодно – раз уж всё равно здесь – почему бы чего-нибудь не присмотреть, не прикупить. «Лосось пошёл, медведи – не спать!» К слову, олейниковское «не хочешь, а продашь» следовало

понимать буквально: «Здравствуйте», – сказал Ждан «пляжнику» в шортах-футболке и вьетнамках и через десять минут продал ему вертикалку индезит; «Эта модель с сушкой», – подсказал Ждан и выписал стоящую рядом, без сушки.

К одиннадцати часам, когда поток схлынул, у Игоря было пять продаж – три стиралки, холодильник и вытяжка. С вытяжкой, правда, вышло случайно – без консультации, даже без разговоров: «Молодой человек, – позвали Ждана, – продайте нам вытяжку». «Вы с кем-нибудь уже общались?» – уточнил он, пока они шли к встройке. «Нет, у нас такая же, теперь родителям хотим на подарок», – и показали на белую ардо. Выписывать Игорь пошёл с ценником – отклеил, чтобы не ошибиться.

Конечно, были и накладки. Когда, например, попросили подобрать кондиционер – «У нас небольшая комната, но солнце всё утро», – пришлось извиниться и найти кого-нибудь понимающего в кондёрах: Чижов был занят, общался с целой делегацией – получилось, что Сотника. Или позже – Игорь долго сравнивал вирпул с индезитом («сборка и там, и там итальянская, но...»), и тут появился Шевель. «Всё-таки надумали? – спросил он через Игоря, демонстративно не обратив на того внимания; обошёл, встал между Игорем и покупателями. – Как раз на вечер доставки остались». И лишь через минуту, заметив, что Ждан не отходит, повернулся и сказал: «Это мои, ещё с прошлой субботы. За вирпулом». – «Они по индезиту...» – неуверенно начал

Игорь. «Им нужен вирпул», – отрезал Лёха.

Некоторые клиенты приходили с визитками – на лицевой стороне был логотип «Европы», адрес, телефоны и две чёрточки-строчки, куда уже от руки продавец вписывал себя. «А он сегодня работает?» – спрашивали Игоря. *Нам подождать? Пригласите, позовите.* Или протягивали карточки обратной стороной: «WISL 85», читал Ждан, «AVSL 106», «NEW BASIC»; переворачивал и смотрел, с кем покупатели общались. «Одну минуту, я сейчас найду Малика». Или Олейникова. Или Чижова... Одна попалась без подписи – ничейный самсунг, эс восемьсот двадцать один, тот, что без вываривания. Впрочем, в холостую: взглянули (интересно, в который раз) и спасибо, до свидания.

Игорь и сам стал раздавать визитки. Первую, правда, почему-то подписал Чижовым.

«Возьми в терминале, – сказал Олейников. – Если закончились, можно попросить на инфо, или по отделам помародёрствовать. А если нет нигде – звони Халину». Себе Саша заказывал визитки в каком-то агентстве – один в один как «общие», только с фамилией-именем и номером мобильного. «Помногу не таскай в кармане. Быстро затираются, стыдно потом клиентам давать».

(How do you do!)

У Сохацкого была привычка смотреть куда угодно, только не на собеседника. Рассказывал, например, кому-нибудь

о морозилке, а сам косился то в сторону склада – на большую серую дверь, то на Чижова и Ждана, стоявших возле стиралок.

– Что у тебя, Костян, сегодня? – спросил Сохацкий, отвернувшись к холодильникам.

– Около двадцатки или чуть больше.

– Ого, – Юра решил всё-таки взглянуть на Чижова, затем на Ждана. – Ну да, вы же в четыре руки бомбите... Пойду узнаю, может хоть кредиты закрылись.

Игорь так и не понял, что означает этот блуждающий взгляд Сохацкого: комплексы? пренебрежение? «на своей волне»? всё сразу? что-то ещё?

«У меня двадцатка без „стажёрских“», – крикнул Костя вдогонку.

– Не удивляйся, – сказал он Ждану, – если кто-то вот так спрашивает, сколько ты наторговал. Это нормально. Ты и сам спрашивай. Помогает понять – *день* плохой или *с тобой* что-то не так.

...переодеваясь, Игорь почувствовал, что устал даже сильнее, чем в первый день. И всё-таки по-другому – как после походов или вылазок на природу: «еле ползу», но «было классно». Всю дорогу – до остановки, в маршрутке, от остановки – он умножал свой выторг на обещанный процент – сперва в уме, потом на телефонном калькуляторе – радуясь каждый раз результату. А дома сразу же лёг спать – без ужи-

на и без чая (благо, не нужно смывать с рук крем от комаров, высыпать песок из кроссовок, развешивать пропахшую костром одежду на балконе, замачивать котелок и миски).

В стандартах покупателей делили на четыре группы: альфа, бета, гамма и дельта.

Новичок словно саженец – опустили в ямку, засыпали торфом и перегноем, полили водой. привязали к колышку. «Приживётся?» – спрашивает кто-то. «Не приживётся?» – переспрашивает кто-то ещё... Если прижился, то будет расти – ветви потянутся вверх, к небу, солнцу, отталкивая, если придётся, другие ветки, других деревьев. Всё просто – там наверху *завтра*, то самое – желания и перспективы: продажи, выполненный план, премии, кем-видите-себя-через-год... Будут расти и корни, на ощупь, вслепую – куда-то вглубь, во *вчера*, переплетаясь с другими корнями – всё сильнее и сильнее привязывая новичка к земле, делая его сопричастным здешним мифам; такое дерево уже не вырвешь руками – вдруг чего, понадобятся топор и лопата, а то и бензин со спичками.

Что-то в прошлом – просто истории, послушали и забыли. «Работала тут прома, – смеялся Малик, – наша нежная королева снежная, вечно стряхивала перхоть с воротника». Что-то отбрасывало тень; как в песне: «вчерашний день оставил мне» – Олейников рассказывал про разбитые Чижовым

полки в холодильнике, с которыми тот («друг, блин, Халина») подставил Сашу («вычли, прикинь, из зэ-пэ»); Костя же говорил, что во-первых, надо нормально ставить полки обратно, если зачем-то их снимал; а во-вторых, бабло за такое не удерживают («легко тот холод проданся, всего с двухпроцентной скидкой»). Были и совсем тёмные истории...

– Тебя это не коснулось, – сказал Халин, – и радуйся.

В воскресенье Игорь спустился в зал без двадцати девять (возле стола проверки глянул время на телефоне). Прошёл мимо пустой встройки – в проходе валялась упаковка, ещё со вчера: картонка, клеёнка, пенопластовые рёбра («Бросай, завтра уберём», – сказал Шевель Сотнику) пустых водогреек, свернул к холодам... Нигде никого, по всему отделу, а на листике Ждан видел подписи как минимум двоих: Сохацкого и Шеверя. Хотя мало ли? Один – к уборщицам за пронто, другой – на склад за скотчем. Могли выскочить на перекур.

Игорь достал мистер-мускул и тряпку, и приступил к ставшему привычным за последние дни: крышка, морда, стенки, следующая, следующая, следующая... На фоне оживали другие отделы: дылда включал телевизоры – чтобы дотянуться до верхнего ряда, даже ему приходилось становиться на носочки; пищали просыпающиеся ноутбуки и принтеры, Ужва выкрикивала какие-то цэ-у девчонкам с мелкой. Заиграла

музыка, для начала – бодренькая «Love Machine».

Когда Ждан снова вытащил из кармана телефон, было уже без двух минут. Он зачем-то нахмурил брови и огляделся. Крупная бытовая показалась запретной зоной, не хватало разве что ограждений, жёлтых лент и знаков «стой!» и «не влезай!». Впрочем, границу и так никто не пересекал – ни чужие, ни свои. Если, конечно, все кэбэтэшники не спрятались за водогрейками... Вдоль холодильников тянулась сонная улочка, к бульвару сворачивали тихие переулки. Как в кино про зомби или другую глобальную напасть, только, в отличие от обителей-спустя и земель-рассветов, вымер не весь мир, не страна, не город – всего-навсего район: пауки захватили манхэттен, холестерин убил кэ-бэ-тэ.

Игорь решил всё-таки сходить, так сказать, на разведку, поискать тех же Шевеля с Сохацким; взглянуть на тёмные стороны лун – товарного запаса, чижовской темы, сайд-бай-сайдов; но тут магазин открыли – едва пройдя пылесосы, Ждан увидел людей, спешащих на а-вэ и к стиралкам – и квест пришлось оборвать. В конце концов «где все?» – проблема этих всех, в крайнем случае – Халина.

Посетителей было не так много, как субботним утром, и тем не менее Игоря просто разрывали на части. «А больше продавцов нету, что ли?» – возмущались одни. «Нам нужна помощь!» – требовали другие. «Что за бардак!» – злились третьи.

«Сейчас кто-нибудь подойдет», – отвечал Ждан. «Полу-

автоматы – там». «Я скоро освобожусь».

Он прыгал от клиентов к клиентам, будто сеанс одно-временной игры – ответил на вопрос, посоветовал что-то и тут же – *подумайте пока, посмотрите* – к другим. Подписывал визитки, давал полистать инструкции и каталоги, распечатывал счета-фактуры и заказы. Получалось в общем-то неплохо – за всё время обиделись только раз:

– Идём в «Цифровой центр»! – громко сказал мужчина жене и глянул по сторонам – явно хотел, чтобы его услышали и покупатели, и Ждан, и продавцы других отделов, и охрана. – Нормальный магазин! Не то, что здесь!

Одна тётка, похожая на училку (слишком «типичную» – очки в смешной оправе, дурацкий платок на шее, крашенные волосы, завитые на бигуди – в фильмах таким не веришь, считаешь явным перебором), показала визитку Сохацкого. «Я хочу купить этот холодильник», – сказала она. «Indesit C 138», – прочёл Игорь на обратной стороне.

– Наличные? – спросил он. – Доставка?

– Да, – ответила училка сразу на оба вопроса.

Возле терминала Ждана посетила мысль – плюнуть на правила и выписать холодильник на себя, точнее на себя-Чижова. «Не фиг шляться непонятно где, – настаивала мысль. – Ладно был бы выходной. Или занят с другими». И всё же – конечно, нет – выбрал модель, затем Сохацкого в вываливающемся списке, нажал «ок» и «печать».

Но и без этой, чуть было не украденной продажи, резуль-

таты впечатлили Игоря. Он снова мысленно прикинул вы- торг, умножил на процент. Затем – приплюсовал ко вчераш- нему. «И это всего за два дня, – подумал он. – Даже не за два, день ведь только начался». Проверять цифры на калькулято- ре Игорь не стал.

Утренняя волна покупателей схлынула. Остались толь- ко мама-папа-дочка возле вёдер с моторами, да и они уже не рассматривали машинки, не сравнивали как до этого («Ты попробуй, она намного тяжелее»), ничего не обсужда- ли. Просто стояли, будто позировали спрятавшимся где-то фотографу. С ними Ждан успел пообщаться, едва они подо- шли – вручил визитку, на которой записал модели с ценами. «Спасибо, – сказали ему, – дальше мы сами».

– Может, возникли вопросы? – уточнил он.

Все трое покачали головами. «Давайте на выход», – ско- мандовал отец.

Было самое время выскочить на перекур – подвести чер- ту, собраться с силами перед новой волной, – и вдруг Ждан сообразил, что по-прежнему один на отделе. Он словно вер- нулся в прошлое – на час, полтора. Посмотрел на телефон, десять двадцать. Значит, на полтора.

В «колбе» затеяли перестановку – снимали мобильники с полок, вместо них распечатывали новые. Лисицина спо- рила о чём-то с другой продавщицей: всякий раз, закон- чив тираду, Лисицина вручала ей в руки фен; та отвечала что-то (возмущалась или оправдывалась), и возвращала. Как

в ток-шоу: «Только прошу вас, не говорите без микрофона». Авэшники таскали какие-то коробки. Жизнь бурлила повсюду. Кроме кэ-бэ-тэ.

– А ты что – один, что ли? – спросил непонятно откуда взявшийся Левич. Будто обвиняя Игоря. Вспотевший и сердитый заводелом был похож на базарную бабу, выясняющую, с какого такого хрена ей «подсунули гнильё».

– Не знаю, – ответил Игорь.

– Пиздец Халину, – Левич вытащил платок, вытер лицо и мгновенно «остыл». – Иди, там люди масло хотят купить, – он улыбнулся и похлопал Ждана по плечу. – В проходе, возле кондёров.

Стоил обогреватель недорого – тем более, нужен был самый маленький, на полкиловатта – зато и продан без проблем. «Куда идти?», «Кому платить?», «Где проверят?»

«Они хоть и дешман, – рассказывал Чижев, – но зимой, под холода – только успевай выписывать. Десяток завалил – считай, продал что-то крупное. А напряга – в разы меньше».

Когда Игорь вернулся на стиралки – не ходить же по отделу кругами, как патруль? – то застал там Лёху Шевеля. Он облокотился на аристон и пролистывал какие-то бумаги.

– О! Привет! – обрадовался Игорь и протянул руку.

Шевель вяло пожал её.

– А где Олейников? – спросил он, глядя не на Ждана, а как и днём раньше, с теми клиентами: через него, за него.

– Сегодня не видел.

– Блядь, – прошипел Лёха. – Сплошное наебалово, – он скрутил бумаги (туго, будто хотел впихнуть их в миниатюрный тубус), что-то мысленно прикинул или взвесил и двинул в сторону склада.

– Что случилось-то? Где все?

– Блядь, – повторил Лёха и махнул рукой.

Прежде супермаркет казался Игорю упорядоченным до нельзя: все эти штрафы-стандарты, правила-расписания – по любому поводу, для каждого шага – как компьютерная программа, `if_then_else`: нажми «пуск», а дальше она сама. И вдруг, всё не то чтобы развалилось – но появились какие-то исключения, нюансы, частные случаи, прецеденты: «Квадрат гипотенузы равен сумме квадратов катетов... Или не равен».

«Продавцы отдела крупной бытовой техники, – объявили по громкой связи, – подойдите на инфо. Повторяю: продавцы отдела крупной бытовой...»

Сразу Игорь не обратил внимания, тем более – он был стажёром, а не продавцом – и лишь когда через минуту-другую вновь оборвали песню и теперь уже настойчиво потребовали: «...срочно подойдите...», Ждан понял, что идти придётся ему.

– Где ваш телефон? – возмутилась девчонка на инфо. – С самого утра не могу соединить, – она протянула Игорю трубку стационарного аппарата. – На, поговори, тут по холодильникам что-то хотят.

Ждан наклонился – длина провода не позволяла стоять в полный рост.

– Алло, – сказал он, – слушаю вас.

– Наконец-то, – отозвалась трубка. – Весь день вам названиваем.

Интонация напомнила Ждану отцовскую – тот любил точно так же безэмоционально возмущаться; порой и необразишь – злится он или уже нет.

– У вас в продаже есть холодильники, – продолжил «отец», – чтобы сверху, как обычный, но морозилку не надо размораживать?

– Да, – ответил Игорь. – Комбинированные. В пятницу точно были. Индезит, бош.

Дверь возле стола проверки распахнулась, и оттуда один за другим стали выходить продавцы кэ-бэ-тэ – Сохацкий, Шевель, Чижов, Сотник, Малик, Олейников... В полном составе, кроме отпускника Нефедова. Замыкал процессию Халин. Сборная на открытии чемпионата – разве что без таблички и флага. И лица у всех – будто заранее уверены, что проиграют.

– Откуда это вы такой толпой? – громко спросила девчонка с инфо у делегации.

Ответа Ждан не услышал. «Есть разные модели, – сказал он в трубку. – Есть и индезиты. К сожалению, мы не сообщаем цены по телефону». Последнее было отсебятиной, но Ждан почему-то решил, что так правильно. В любом слу-

чае, цен он не помнил. «До свидания».

Свернувший к встройке Сотник пожал Игорю руку. Без всяких «йоу!» и хитрых движений.

Ждан решил, что выяснит в чём сыр-бор после перекура – сбегал на стиралки, махнул Чижову, Халину и Олейникову. «Я курить» – и помчал на улицу. Выкурил две подряд, быстро – затяжку за затяжкой, будто школьник, боящийся, что кто-то увидит его и сдаст родителям с учителями.

Возвращаясь, Игорь на секунду представил, что все опять исчезли, что он вернётся в пустой отдел и снова будет прыгать от клиентов к клиентам, говорить Левичу «не знаю» и отвечать с инфо на звонки. Вот уж точно – наебалово, иначе и не скажешь.

К счастью, этого не случилось. Продавцы были на месте: Шевель сматывал упаковку скотчем, непривычно серьёзный Сотник вешал вытяжку, Сохацкий и Малик протирали холодильники – через один, будто играли в чехарду; Чижов печатал что-то на терминале, постоянно сверяясь с мятыми бумагами (Лёхиными?); Олейников оправдывался перед Халиным.

– Я выходной был в те дни, – обиженно говорил Саша, – и двадцать первого июня, и двадцать второго. Глянь в графике. Я специально два брал, ездил на Старый Салтов.

В институте Игорь и Андрей не были друзьями, скорее просто знакомыми – время от времени болтали в курилке, иногда сталкивались в библиотеке, поучаствовали в па-

ре пьянок, как-то выбрались в клуб с одноклассниками Халина. Наверное, и всё. Знай Ждан Халина получше, он нашёл бы много различий между Халиным-студентом (факультет менеджмента, типа престижный; по крайней мере, самый дорогой) и нынешним Халиным-начальником – а так Игорь заметил лишь одно: возраст – институт они окончили одноклассниками, теперь же Андрей казался куда взрослее – словно у него шёл год за два, за три. Впрочем, может это Игорь в какой-то момент сбавил темп, или остановился.

– Привет! – сказал Чижов. – Як справы?

– Где вы были всё утро? – Ждан посмотрел на лежащие возле клавиатуры листы: список техники – занусси, электролюкс; какие-то цифры в столбик, тысячи – наверное, стоимости – для количества как-то многовато; и даты – 21.06 запятая 22.06.

– Решили тебя от конкурентов избавить, – рассмеялся Костя, – чтобы никто не мешал тебе за-ра-ба-ты-вать мне деньги.

– А серьёзно?

– А серьёзно, – он перестал смеяться, подался чуть вперёд. – Тебя это не коснулось, и радуйся.

Олейников тем временем рассказывал Халину про Болоцкого: Болоцкий то, Болоцкий это – вот только, что *то*, и что *это*, Ждан не понял.

– Ты как, набомбил сегодня? – спросил Чижов.

– В общем-то, лучше чем вчера.

– Отлично, Стаханов. Можешь теперь прикинуть, сколько будешь получать, как станешь продавцом. Если, конечно, темп не сбросишь.

Уже прикидывал, подумал Игорь, ни раз и ни два. Он захотел снова спросить про утро – чему радоваться? – но не успел.

«Продавцы Олейников и Чижов, – объявили с инфо, – подойдите в первый кабинет».

– Вот опять, – Костя собрал бумаги. – Давай, Олейников, бери вазелин и помчали!

(Lara's Game)

Халин проскочил мимо Ждана, бросив на ходу «Привет, Игорь-джан!» – куда-то в сторону, будто кому-то другому; свернул за коробки авэшников, подошёл к стоявшей возле телевизоров девушке.

«Лара, – услышал Ждан, – побудь, пожалуйста, на стиралках сегодня, а то с продавцами у меня просто катастрофа». «Хорошо», – сразу же согласилась Лара.

Деловой стиль, но не «европейская» униформа – бордовая блузка с пуговицами-жемчужинками, светло-серые штаны. Значит, прома. Кто ж ещё? Хотя, было бы забавно, если б Халин попросил покупательницу: «Поработайте немного на кэ-бэ-тэ, а мы вам потом отличную скидку сделаем».

«Заодно, – сказал Андрей, когда они подошли к терминалу, – научишь Игоря эл-джи продавать».

Лара улыбнулась за секунду до того как взглянула на Ждана, вроде и не «рот до ушей с утра до вечера», но и не после того, как заметила, не обязаловка-привычка. Наверное, Ленц пел о чём-то таком (вернее, Игорю это слышалось): «улыбается прохожий не за пять минут».

– Привет! – сказала она.

– Привет! – ответил Ждан. И добавил, уже для Халина: – Левич всё утро нервничал, что на отделе у нас никого, – цитировать «Пиздец Халину» при Ларе Игорь не стал.

– Вот козёл он! – Андрей чуть не сбил урну. – Будто бы не знает!

(Let's Go)

– Изначально компаний было две – голдстар и лаки. В девяносто пятом они объединились и появился бренд эл-джи. Эл-джи, собственно, и есть аббревиатура: лаки-голдстар.

«Голдстар» – словечко перестроечных времен: отцовские кассеты с вилли-шуфиками; видеомагнитофон у соседей (инструкцию на куче языков, кроме русского, они держали на журнальном столике; белая обложка с GS и короной).

– Лаки выпускали косметику и всякую химию, голдстар – думаю, помнишь – электронику.

– Классно так объединились, – усмехнулся Ждан. – Надо было им прикупить ещё парочку мясокомбинатов, шоколадную фабрику и какое-нибудь модельное агентство.

– Ага, – кивнула Лара, и улыбнулась, скорее из вежливо-

сти. – В Азии, если компания не выпускает кучу всего, то она и не компания вовсе. Это у нас «своё дело» считается чем-то хорошим – работать на себя, а не на «дядю», ну и так далее. В Корее же наоборот – престижно работать на какую-то большую корпорацию. В идеале – из поколения в поколение. В общем, быть частью системы. И знать своё место. Не зря у них варианта четыре обращения к человеку, в зависимости от статуса.

– Как в царские времена: ваше сиятельство, ваше высокопревосходительство...

Во внешности Лары было что-то восточное; едва уловимое или даже кажущееся – заметное, почему-то лишь когда она поворачивала голову. Китайское, японское, корейское: тут уж Игорь не отличал – эти народы были для него абсолютно одинаковыми; так же, как их языки-иероглифы.

Стиралки будто накрыло куполом – из Саймака или полнометражных Симпсонов – чижовское «соседи по даче», только вот свой участок поменьше: соседями были и покупатели на водогрейках, и Малик с Сохацким возле холодильников. «На фига к сайд-бай-сайду прихренячивать телевизор?» – спрашивал Сохацкий, показывая на картинку в каталоге. «Чтобы ты, Юрец, не тосковал по а-вэ», – смеялся в ответ Малик. Их голоса словно прогнали через фильтр, какой-нибудь первобытный шумодав, срезающий всё, что можно – «звук из консервной банки». Время от времени по громкой связи кого-то звали в первый кабинет. Свет из окошек

растекался по всему куполу – равномерно, ничего не пропуская. Иногда заходили покупатели. Супермаркет стал прежним.

Лара рассказала про украинскую сборку («буковка U в маркировке»), про то, что у всех эл-джи класс стирки А, про прямой привод («в „Доме Электроники“ макет установили – обычный привод и прямой – хорошо видны преимущества»), паровую стирку, гарантию и сервис. А потом спросила:

– Ты давно работаешь в «Европе»?

– Почти неделю, – ответил Игорь. – Со вторника.

– Нравится здесь? – та же интонация, что и у официанток, интересующихся: «Вам понравился супчик? Вы оценили фирменный салат? Вас устроило обслуживание?» – вопрос без права на «нет».

– В общем, да. Первые дни, конечно, ужас был – ноги будто в узел завязали, да и от информации голова, думал, лопнет. А сейчас – нормально. Уже и красный цвет на глаза не давит. Продажи потихоньку пошли... Кстати, первой моей продажей была стиралка эл-джи.

– Молодец, – сказала Лара.

Когда Ждана позвали покупатели, она сбегала на а-вэ и принесла блокнот и ручку – бело-красные с логотипами. «Держи», – словно приняла Игоря в тайное общество. Сама Лара была в этой секте рангом повыше – кроме блокнота и ручки, у неё были «лыжный» бейджик, брелок Life's Good

и раскладушка с внешним дисплеем.

– На работе, – сказала она, – нам нельзя пользоваться телефонами других брендов. Особенно страшен гнусмас, за него – расстрел.

– Что за гнусмас? – не понял Игорь.

– Самсунг. Мой сменщик так их называет. По воскресеньям, к слову, обычно он работает – у меня суббота-воскресенье – выходные, но на сегодня поменялись. А он выйдет в среду в «Дом Электроники», мы с ним – на два магазина.

Чуть позже в курилке Ждан вспомнил Евгенича (водителя у чепэшника), который как-то ездил работать на завод дэу. «Ну чё, – рассказывал Евгенич, – прилетаем в Южную Корею, жарища жуткая, ещё и влажность у них, сам понимаешь. Пот льёт в четыре ручья. Отвезли нас в гостиницу, выходит администратор – такой, блядь, хон-гиль-дон. И давай чухать через переводчика про ихние правила: само собой, нельзя бухать, курить в номерах, шуметь, а кроме того – высываться из окон с голым торсом, с бабами тамошними знакомиться, ну и тэ-дэ. Короче, к вечеру мы нарушили почти всё. А хули? Открыли окна, поснимали рубашки – просто невозможно; ещё пару пузырей у нас было, пьём потихоньку, курим. И тут под окном кто-то начинает орать – пискляво, противно-противно. Оказалось, это у них торгаши так промышляют – подъезжают на фургончике к дому, распахивают дверцы (там как раз вся их фигня развешана) и давай горланить. Минут десять заливался. И прикинь, только уехал,

как нате вам – подъезжает следующий. Тоже открыл дверцы, какая-то хрень у него, и давай орать. Мы ж ему из окна в ответ, что нехрен, блядь, кричать тут, вали уже. Он не понимает, что-то махнул нам и дальше горланить. Зато как бутылку кинули – врубился моментом: бегом в кабину и по газам... На утро нас вычитывали, что пиздец. Стоим, что саляги, а головы у всех раскалываются – жарщица, да плюс с вечера погудели славно – нашлось ещё два пузыря... Ну и повезли нас на завод, а там... Мы охренели – с утра зарядка. Весь завод, прикинь, строится, и начали под музыку – присидания, наклоны... А вот с перекурами у них хорошо организовано – по свистками – час поработал, пять минут перекур... Ещё с нами две бабы приехало – добротные такие наши маньки. Так корейцы им прохода не давали – в обед в столовке возле каждой с дюжину местных крутилось: что-то лепочут им, чем-то угощают. И все ж эти корейцы с мизинец, блядь, тощие – в десятером весят, наверное, как одна наша манька... Бабы ихние, к слову, страшные. Ну как – в супермаркет зайдешь, там да – девчонки на подбор, слов нет – симпатичные, с фигурками, просто загляденье; в аэропорту тоже, стюардессы были в самолёте. Но вот на улице без слёз не взглянешь – все какие-то скрюченные, сутулые».

(Lost Gain)

– Ты про тайных покупателей знаешь? – спросила Лара.

– Нет, – сказал Игорь. И сразу же представил детскую

страшилку: «Мальчик купил хлеб, вышел из гастронома, а за углом его подкарауливали тайные покупатели». С виду почему-то как шпионы на карикатурах: в тёмных очках, в плащах с поднятыми воротниками и шляпах.

– Их специально нанимают, чтобы проверять продавцов. Ребята ваши как-то рассказывали. Подходит с виду обычный клиент, ты говоришь с ним по технике, помогаешь выбрать. Он что-то у тебя спрашивает, уточняет, а в конце говорит: «Я – тайный покупатель». Пишет по тебе отчётик и передаёт вашему начальству. Получил нормальную оценку, значит – молодец, – Лара хлопнула в ладоши, – а нет, так могут и оштрафовать.

– Хитрб, – сказал Игорь. Впрочем, в тот момент эти тайные показались ему ещё одними героями магазинного фольклора. Не то, чтобы он сомневался в их существовании – конечно, нет, – просто не стал примерять на себя, воспринял так же, как и других героев: чижовских мишеньку и мозгоклюя в бейсболке, олейниковских колхозников с завернутыми в носовой платок пятью тысячами – бывает же! – но не более того.

Если не обращать внимания на униформу и бейджик, Лара была продавец продавцом – будто тоже работала на стиралках: подходила к покупателям, здравствуйте-это, здравствуйте-то, иногда вперёд Ждана. «Прежде всего, – пояснила она, – я должна продвигать эл-джи, но могу консультировать и по другой технике». Разве что не могла продавать «на се-

бя». Когда доходило до «самого интересного», она просила распечатать заказ кого-нибудь из «европейцев». «Я не перебираю – зову того, кто рядом». В воскресенье – Игоря.

– Вот, – Лара протянула вырванный из блокнота листик, – выпиши людям машинку.

В этот раз указывать Чижова центром ответственности совсем не хотелось – Ждан словно передаривал подарок. Сперва даже промахнулся, выбрал в списке Нефедова.

Лара ушла в начале четвёртого, когда торговый зал вновь опустел – видимо, клиенты предпочитали проводить сиесту в патио, комнатах, галереях – где угодно, только не шататься по магазинам.

– Мне пора бежать, – сказала она. – Надо ещё в офис заглянуть... И вообще, кто ж долго работает-то по воскресеньям?

– Нас миллионы, – не согласился Ждан.

Лара заскочила на а-вэ, взяла какой-то пакет, махнула рукой тамошним продавцам: «Всем до свидания!» Проходя мимо стиралок подмигнула Игорю. «Пока», – сказал он.

А дальше, как в пьесе: *Лара уходит. Входят Чижов и Шewelь*. В какую-то секунду Ждан понял, что перестал смотреть на магазин глазами покупателя. Раньше для него магазины были кружочками на карте – купил, что хотел, и снова в путь, к следующему кружочку. Почти роуд-муви со скупающими заправщиками, официантками в кафе, попут-

чиками-хитчхайкерами, фермерами-одиночками; и дорогами-пересменками между ними. Теперь же – нет, он не «отпустил попутный ветер», скорее – просто сядил в рабочее время в поезд-супермаркет (автобус, самолёт, криузный лайнер), становился попутчиком других продавцов, а клиенты превращались в точки на карте: станция девять-двадцать, платформа десять-ноль-ноль, остановка – полдень.

Шевель переоделся в чёрную рубашку с коротким рукавом (воротник не поднят), небесно-голубые джинсы и белые кроссовки; в руках крутил кожаную барсетку.

– Не бери дурного в голову, – сказал ему Чижов. – Пару дней, и всё устанет.

– Пойду, блин, сегодня в «Браунинг». И напыюсь.

– Правильно, – поддержал Костя, – завтра отоспишься, а там, глядишь, уже и снова на работу.

Они пожали друг другу руки. «Звони если что». – «Конечно». Чижов недолго покосился Шевелю вслед, затем подошёл к Ждану. «Как тут дела?» – «Нормально».

– У тебя рулетка, кстати, есть? – спросил Костя.

– Нет, – сказал Игорь.

– Тогда держи, – Чижов вынул из кармана синий брелок с логотипом индезита. – Двухметровая. Полезная вещь, так что прицепи на пояс и таскай, – он задрал край поло, на шлёвке брюк висела жёлтая рулетка занусси. – А то часто бывает, мол, что вы мне впариваете, куда его в полметровую нишу? Или вдруг захочешь доказать кому-то, что у тебя

длиннее.

Со стороны холодильников на стиралки зашёл Олейников. Видимо, разборки в первом закончились и для него – отделался малой кровью, раз уж не переоделся, да и выглядел он не то чтобы расстроенным или подавленным.

– Идём, Игорян, пока время есть, поучим водогрейки с кондёрами, – сказал Чижов. И громче, для Олейникова: – Саша, присмотри за стиралками.

– А ты, Костя, думаешь, для чего я сюда пришёл? – крикнул Олейников в ответ.

Тепло-холод оказались сплошь формулами – физикой, математикой: то, что говорил покупатель, надо было подставлять вместо иксов и игриков и высчитывать результат. Тут не отделаешься «уверенным средним классом» и «популярной моделью» – хотя, конечно же, было и то, и другое; но начиналось всё с расчётов.

– Для охлаждения десяти квадратных метров требуется один киловатт. Это при стандартных потолках, два восемьдесят – три. Далее, считаем быттехнику – каждая фигня, находящаяся в помещении, будь то компьютер, телевизор, ксерокс, факс и так далее – ноль-три киловатта; плюс – каждый человек по ноль-один киловатта. Суммируем это дело и получаем необходимую мощность.

– Их по мощностям и расставляют?

– Да. Есть такая штука – бэ-тэ-ю, бритиш термал юнит.

Слышал, нет – семёрка, девятка? Так вот это оно: семёрка – это семь тысяч бэ-тэ-ю, девятка – девять, ну и так далее. Один киловатт примерно три четыреста бэ-тэ-ю. Можно просто делить на ноль-три. То есть, насчитал, например, два с половиной киловатта, делишь – получается восемь с копейками; ближайшая мощность – девятка.

Игорь вспомнил, как несколько лет назад ездил с друзьями в Москву, и кто-то из компании предложил быстрый способ пересчитывать рубли на гривны (курс был тогда five to one): «на пять делить в уме не шибко приятно, так что лучше сперва умножить рубли на два, а затем разделить на десять». «Мудрёная схема», – возразила одна девчока. «А чего тут мудрёного? Умножить на два? Допустим, двести тридцать рублей. Умножаем, получается четыреста шестьдесят. Делим на десять, в смысле просто откидываем ноль – получается сорок шесть гривен. Делов-то!» Считать так было действительно удобно, только, как вскоре выяснилось, бессмысленно: тысяча рублей в Москве – совсем не то, что двести гривен в Харькове, что бы ни утверждали обменники.

Ждан быстро приловчился рассчитывать в уме и мощности кондиционеров.

– Офис три на четыре метра, – сказал Чижов, – сторона не солнечная. Два компа, копировальная машина и двое сотрудников. Какой нужен кондёр?

– Двенадцать квадратов... Один и два, – прикинул Игорь, глядя в пол. – Два компьютера с ксероксом, три по ноль-три –

ноль-девять... Два сотрудника – ноль-два. Итого, один и два плюс ноль-девять, плюс ноль-два – значит, две целых три десятых киловатта... Получается, чуть больше семи. Восьмерка, есть такое?

– Восьмёрка нет, но тут подойдёт семёрка. Как бы впритык. А вот при тех же параметрах и солнечной стороне будет уже девятка.

– По статистике микроволновки и кондиционеры ломаются реже всего.

Часов в шесть Ждан вернулся на стиралки.

– Ну что, стажёр, – спросил Олейников, – ты теперь спец по климатической технике?

– Не то чтобы... Но кое-что усвоил.

– И чем отличается кондиционер от холодильника?

По Сашиному лицу было сложно понять: шутка ли это, издёвка или действительно вопрос на знание техники. Впрочем, вопрос был не таким и странным – с одной стороны, у холодбв и кондёров много общего (компрессор, хладагент, испаритель, конденсатор); с другой – они не близнецы, так что все эти «найди десять отличий» – никакая не головоломка.

– Принцип одинаков: хладагент испаряется и поглощает тепло, которое передаётся на теплообменник. Только у кондиционера вместо холодильной камеры – комната, а тепло

выводится на улицу.

– Да-да, – закивал Олейников, – именно так.

И снова было непонятно – дурачился он или серьёзно.

– Слушай, – решил спросить Ждан, – а что всё утро за фигня происходила?

– На хрен, – отмахнулся Саша. – Лучше и не вспоминай.

– Гостайна, блин... – тихо сказал Игорь, словно обиделся.

И тут же сообразил как разговорить Олейникова: – Чижов вот тоже толком ничего не объяснил.

– А что Чижов? Знай себе стрелки переводит. И начальником прикидывается... Хотя он и впрямь не при делах. Это Болоцкий начудил, решил что самый хитрожопый. Ну и Шевелю – отдельное спасибо, знал обо всём, а ничего не предпринял. Мог бы мозги Болоцкому вправить, или в тыкву дать. Да что угодно! Тому же Халину сообщить, в конце концов.

«Я завтра выходной, – сказал Чижов, – поэтому...» – «Я тоже», – перебил Ждан.

«Сегодня рынок бытовой техники большой Европы поделен так: лидирует концерн Bosch-Siemens – 16,3%, Indesit Company занимает 13,8%, Electrolux – 12,3%, 9,1% у Whirlpool и 6,7% у Arcelik», – рассказал Витторио Мерлони в интервью газете «Ведомости».

«Однако, – добавил он, – если взять показатели по от-

дельно стоящей технике, то доли распределены иначе: Indesit Company – 15,4%, Bosch-Siemens – 13,2%, Electrolux – 11,3%, Arcelik – 9,2%, Whirlpool – 7,9%».

После выходного всё выстроилось в систему. Получилось как с заучиванием стиха; давно, в школе – читаешь-перечитываешь, ходишь по комнате, бубня его себе под нос; кажется, эти «добробут народный» и «сонце над трупами» уже мерещатся повсюду, и всё равно – какое-нибудь словечко да выпадет: что там, блин, дальше? Но стоит отвлечься, а лучше лечь поспать, и вдруг – о, чудо! – «от зубов отскакивает», как и требовала училка; каждое слово на своём месте, отныне и вовек.

Или как с картой мира, которая лет пять провисела в комнате у Игоря. Подарок отца к первому сентября – политическая, большая – для первоклассника и вовсе огромная. Почти сразу они придумали игру: отец загадывал какую-нибудь страну, а Игорь старался побыстрее её отыскать. Сперва приходилось читать название за названием, какой континент перед глазами – с того и начинаешь; затем, когда Игорь запомнил, что Алжир – это Северная Африка, Корея – Дальний Восток, Новая Зеландия – возле Австралии; даже страны-цифры, слишком маленькие чтобы вместить название на карте, и те без труда вспоминались; игру усложнили – стали искать города. Но и с городами через месяц-другой стало неинтересно: не игра, а будто повторение давно

выученного, одного и того же.

Холодильники для Ждана перестали быть просто холодильниками, как и стиралки, как и кондёры с обогревателями и водогрейками. Чудеса классификации – ярлыки-наклейки (габариты, мощность, новизна, функциональность, безопасность, экономичность, надёжность) – и близнецы уже не близнецы: «Здесь гарантия два года, а здесь – три года бесплатного сервиса». Чуть проще пафосного «разделяй и властвуй»: выбирай и продавай. «Нам нужен город, – скажут покупатели, – за границей, но чтоб недалеко сюда к родственникам было ездить... Красивый, интересный, со старыми центром... Уютный и не особо шумный, но чтоб не задворки... И пиво чтобы хорошее там делали». «Рекомендую Прагу или Будапешт», – ответит Ждан.

– Гля, – заржал он, – имечко как раз для коммерческого директора: Маржса́, – он ткнул пальцем в подпись: «Mrs. Marja Karisalmi».

– Давай-ка, Игорь-джан, побудь до обеда на стройке, – сказал Халин, едва Ждан спустился в зал. – В смысле, сейчас иди протирай стиралки, а как магазин откроется – бегом на стройку, поможешь выставить чего надо и вообще прикроешь. Заодно Димон тебе по технике подрасскажет.

– Деньги – это всегда то, что сейчас. Либо есть, либо

нету. Всякие же – «были деньги», «будут деньги» – ни о чём и ни к чему...

– Вот и подкрепление! – обрадовался Сотник. – Как раз подсобишь мне с духовками.

В отличие от других «техник» кэ-бэ-тэ, для встройки использовались не просто поддоны, а специальное торговое оборудование: тумбы для духовых шкафов, длинные столешницы с вырезами под варочные поверхности, крепления для вытяжек. И вообще встройка выглядела не очередной областью-районом, а автономией – с особым статусом и особыми полномочиями; как Ждан узнает чуть позже, встройкой даже занимается отдельный менеджер.

– Ты с этой темой совсем не сталкивался? – спросил Димон, когда они выставили ардо с аристомом (заткнули дыры) и отнесли упаковку на склад.

– Нет, – сказал Игорь. Ещё один бонус для не-продавца, помимо уходов с отдела, чтобы поучить-почитать: можно без зазрений совести говорить «нет» и «не знаю».

– И ладно, ничего здесь сложного. Короче, смотри: верхушки бывают газовые и электрические. Тут понятно – что дома подведено, то и подходит. С духовками чуть сложнее – там в любом случае лучше электрическая. Потом расскажу... Обычно у поверхности четыре конфорки, бывают на две, «домино» называются, но это реже. Материал, видишь, разный...

Поначалу Ждан следил, куда Сотник тычет пальцем, пока не понял, что эти движения «от фонаря»: «нержавейка» не совпадала с нержавеющей. Как и «эмаль» с эмалью. Как и «стекло».

– Белая эмаль, – продолжил Дима, – проще всего в уходе, взял и протёр; зато на нержавеющей не так заметны сколы, если вдруг чего. Стекло – красивое, но самое капризное.

Сотник будто просматривал (по диагонали) какой-то учебник, иногда зачитывая выделенное жирным шрифтом: «жи-ши пиши с и; имена собственные с большой буквы; и не заморачивайся». Что и обещал Халин – подрасскажет.

– Тут всё нарисовано. Полоска сверху – значит верхний нагрев, снизу – нижний, такое типа пламя – гриль, вентилятор – конвекция... Что ещё? Бывает автоматическая чистка, двух видов – пиролитическая и каталитическая. При пиролизе духовка разогревается до зверской температуры, и весь жир, вся грязь – тупо выжигаются, – Дима вынул из кармана телефон, не глядя вытер экран о штаны и спрятал обратно. – Одни, правда, приходили жаловались, что вонь при этом ужасная. Вытяжка на тысячу – и та не помогла, целый день потом проветривали... А вот каталитическая – это такие пластины, – он приоткрыл дверцу и зачем-то шагнул в сторону. – Здесь, например.

Ждан присел рядом с духовкой, не закрывая её от возможных зрителей – не так, как присаживаются, чтобы заглянуть, что там с пирогами-пирожками – скорее, как хозяйюш-

ки в журналах: чтобы было видно и её, и печку, и что на противнях. Как и должен продавец – в пол-оборота, не загорая живая технику – не противник покупателя, а соучастник.

– По бокам, – сказал Сотник, – шершавая такая поверхность.

Игорь провёл по стенкам рукой. Действительно, на ощупь будто точильный камень или «шуба».

Сотник говорил что-то ещё и ещё, но Ждан не вслушивался – рассматривал направляющие; решётки, завернутые в клеёнку с пузырьками (парочку с удовольствием раздавил); вёртел с хитрым креплением. Игорь словно надел капюшон, как в институте, курсе на втором, когда пошла поголовная мода на «кенгурятни» – некоторые девчонки, и те носили – накинешь капюшон на голову, и весь мир сожмётся до маленького экранчика – дюймов семнадцать, не больше.

И вдруг Димины слова прозвучали громко и отчётливо, с какой-то новой интонацией.

– Торговля – это удача, – сказал он.

– Что? – переспросил Игорь, хотя и расслышал. Повернулся, глянул на Сотника.

Тот опирался на столешницу и клацал большими пальцами по телефонным кнопкам – скорее всего играл, вряд ли с такой скоростью получится набирать эсэмэску или рыться в настройках.

– Удача, удача, – повторил Дима, не отрываясь от экрана. – Что ж ещё?

Ждан пожал плечами. Несложно было представить комментарий Чижова, усмешку-насмешку: «У Сотника всё неудачу – отгрёб штраф, значит повезло – а не потому что нехрен опаздывать или тусить непонятно где. И с продажами та же песня, пофигу все правила и работы с возражениями – ну не купили, ну не захотели, ну не повезло». Или Олейникова: «Если не знаешь технику, удача не поможет. Продашь что-то – а толку? – через день-два люди поймут, *что* ты им впарил – и вернут всё назад». Или Халина: «Да-да, бля. И у всех, кто с нормальными выторгами из месяца в месяц – просто карма хорошая! И Шквырю просто повезло, что он – директор! И мне, что я – завотделом! Всем везёт, один Димон-бедняжка страдает!»

Из школьно-советских времён: «Подчиним стихию науке! Заставим природу работать на благо человека!» Подчиним удачу знанию техники, правилам продаж, стандартам поведения.

Однажды Игорь пил пиво с товарищем, который только что остался без работы: упразднили весь отдел – до свидания, спасибо, извините, финансовые сложности – в общем-то, «ничего личного». «Что подделаешь, – сказал Ждан. – Не судьба». «Нет, – возразил товарищ, – это я где-то ошибся». «А что ты мог сделать не так?» – искренне удивился Ждан.

Ведь сколько раз бывало – следуешь инструкции, всё как и раньше – а почему-то не выходит: субтитры не запускают-

ся, кран протекает, подошва не держится... Не судьба? Или, если речь о правилах, – исключения. Сотника же с его торговлей-удачей можно было назвать «ловцом исключений». Поле, конечно, заведомо меньше, зато – почти без усилий.

– Пойду тресну чаю, – сказал Дима; он уже убрал телефон – то ли наигрался, то ли гейм-овер (не повезло?). – Ты толькостройку не бросай. Захочешь сбежать – найди кого-нибудь на подмену... Кстати, каталоги полистай. В тумбочке лежат. Лишним не будет.

Игорь кивнул. Сотник отдал ему честь (по-киношному – приложил два пальца к виску) и, начитывая: «тресну чайку, тресну чайку́, чайку, чайку, чайку́», зашагал к кассам. Работала почему-то только первая, даже очередь успела образоваться, все с мелкой бытовой: утюг, фен, чайник.

Каталоги Ждан нашёл не сразу – они были завалены тюбиками, флакончиками, тряпками, коробочками с какими-то винтами – будто спрятаны, хотя скорее всего ими просто пользовались реже, чем всей этой мелочёвкой. Бош, горенье, электролюкс – куда толще и тяжелее тех брошюрок по стиралкам и холодильникам, которые Игорь смотрел до этого; а ещё – все на английском. Желание читать сразу же пропало – и держать неудобно, и понятно в лучшем случае через слово. Минут пять Игорь поразглядывал картинки, а затем сунул каталоги обратно в тумбочку.

Встройка была уютней других провинций-техник кэ-бэ-

тэ – и дело не в её «кухонности» (тут как раз промах – никаких таких мыслей о яблочных шарлотках и жареной картошке при виде варочных поверхностей не возникало), а в самой компановке: высокие стеллажи – один ряд, второй – отгораживали от магазинных просторов – пусть и не глухая стена (как на авэшном хай-фае), но всё-таки граница. Да и цвета – если другая крупная бытовая, за редким исключением, была белой, то на встройке (чёрная, серебристая) исполнение «white» казалось чем-то необычным.

За стеллажами с духовками и панелями («встройка встройка», как выразился Сотник) шли отдельностоящие плиты. Их тоже относили ко встройке, хотя они никуда и не встраивались. Ряд белых (предатели), ряд – серебристых, коричневых и чёрных. Про эту технику Дима успел рассказать совсем немного. «Бывают полностью электрические, – сказал он, – полностью газовые, и комбинированные: газовый верх и электрическая духовка. Вдруг сомневаешься – открой да посмотри. Функции все нарисованы, такие же значки: гриль, конвекция, подсветка... Один в один».

Плиты стояли на поддонах – так же, как стиралки или кондиционеры. Игорь пощёкал ручками, понажимал пьезорозжиги, на гефесте случайно завёл таймер – повернул минут на двадцать, а назад, против часовой стрелки, уже никак; позаглядывал внутрь духовок – где газовые горелки, где тэны. Погуляв немного, он остановился возле комбинированной горенье – решил, что она самая функциональная, наво-

роченная (даже номер «блатной» – три семёрки) – и достал инструкцию.

Всё вокруг сверкало – и металл, и эмаль, и стекло, – пришлось покрутиться, поймать положение, чтобы отражения-отблески не били по глазам, не мешали читать. За полтора часа, проведённые на «встройке встройке», Ждан успел отвыкнуть от всей этой яркости; да и разговоры, музыка, объявления тоже звучали теперь настойчивей и громче, чем обычно.

Треть инструкции занимали таблицы: «изделия из теста», «мясные блюда», «консервирование». Если ростбиф, то второй уровень, верхний-нижний нагрев и двести тридцать градусов; если песочное печенье, то третий и сто шестьдесят. А ещё были советы: «кастрюли и сковородки по возможности закрывайте соответствующей крышкой», «проверьте рецепт» и «в следующий раз используйте меньше жидкости». Игорь захотел отыскать какое-нибудь «запрещается сушить кошек в духовке» – просмотрел все «внимание» и «важно», – но без толку.

«Одни люди, – сказал он, – помогают заработать деньги, которые ты потратишь на *других* людей. Такой вот круговорот: человек – деньги – человек-штрих».

Покупатели будто игнорировали встройку – даже те редкие гости, что сворачивали сюда, тут же вроде как извиня-

лись – ой, простите, ошиблись дверью – и исчезали. Или, не задерживаясь, проходили к холодильникам.

Игорь листал инструкции и гарантийки – казалось, забыв, что главная задача продавца – продавать (для стажёра, соответственно, учиться продавать), – и уже не высматривал, а не зашёл ли кто-нибудь на встройку, не нужна ли кому-нибудь помощь.

Увлёкшись техникой, Ждан пропустил покупательницу. Сперва она остановилась возле недорогих газовых плит (белых отечественных), затем обошла ряд и взяла в руку ценник с электрической серебристой, совсем рядом с Игорем, буквально в двух шагах... Покупательница заговорила первой.

– Здравствуйте, молодой человек, – сказала она.

Так всегда начинала разговор одна отцовская знакомая («папина тётя» – Оля или Марина). Каждый раз, придя в гости, обязательно заглядывала в Игореву комнату.

– Добрый день, – ответил Ждан и бросил гарантийный талон на противень.

(Восьмилетний Игорь закрыл альбом, отложил карандаш.)

– Вы мне подскажете по плитам?

(«А можно посмотреть, что ты нарисовал?» – попросила тётя Оля-Марина.)

– Конечно, – ответил Ждан. – Вас, как я понимаю, интересуют отдельностоящие?

– Да, – покупательница вернула ценник на место. – Раз-

мерами, как эта – пятьдесят сантиметров на шестьдесят.

– Электрическая? – уточнил, вернее, попробовал угадать Игорь.

– У меня вообще-то газ, так что – верх пусть будет газовым. А вот насчёт духовки... Наверное, лучше вариант, когда электрическая. Как вы считаете?

– Лучше, – согласился он. – Можно точно выставить температуру. Продукты горения не попадут на ваши... – Игорь замолчал, подумал, что получается «масло масляное».

– Продукты?

– Продукты. Да и функций у электрических духовок обычно побольше, чем у газовых.

Они будто прогоняли сцену перед спектаклем или съёмкой – всё выучено, всё отрепетировано. Заминки лишь те, что в сценарии. И никаких импровизаций.

– Мне рекомендовали индезит. Неплохие плиты, и не очень дорогие.

(«Твой папа говорил, что ты хорошо рисуешь самолёты»).

– Уверенный средний класс, – сказал Ждан. – И соотношение цены с качеством – оптимальное. Если белые, то вот две модели: индезит, верх – газовый, духовки – электрические, – плиты нашлись сами собой – раз, и те, что надо – словно не он подвел покупательницу к ним, а она – его.

– Кухня у меня светлая, холодильник белый, машинку тоже планирую белую, так что подходит.

– Кроме того, белая проще в уходе. На нержавеющейке – хо-

чешь, не хочешь – остаются какие-то следы, отпечатки пальцев. Каждое утро протираем поверхности, а всё равно – посмотрите.

«Скорей всего, – подумал Игорь, – она тоже работает в сфере услуг. В каком-нибудь агентстве или бюро – там, где постоянно приходится общаться с людьми. Но точно не в совково-государственном: „куда вы прёте, у нас обед!“ Пиар, недвижимост, туризм? Или же курсы-тренинги». Слишком всё было правильно: вопросы, построение предложений, поставленный голос. И то, как она стояла – в полоборота к плитам; и то, как она смотрела – прямо в глаза, отводя взгляд, лишь когда того требовала ситуация: взгляните, видите, здесь. Просто подбирая себе технику, даже обойдя с десяток салонов и супермаркетов, таких навыков не нагуляешь.

И одежда: бежевое хлопковое платье (длиной по колено, рукав до локтя) с погончиками и карманами; на шее – платочек в горошек; на плече – сумочка с неширокими ручками. Минимум макияжа, серебряные серьги-гвоздики в ушах... Хотя это уже вопрос личного вкуса.

Вдруг зазвенел будильник, громко и противно – будь помещение поменьше, а потолки пониже, он смог бы разбудить и бодрствующего: «вся наша жизнь лишь сновиденье, и сновиденья также сон». «Гефест», – вспомнил Ждан.

«Тренерша-агентша» покосилась на рассердившуюся плиту – не вздрогнув и не удивившись, – как бы намекая

Игорю, что не проблема, сбегай вытащи свою курицу, пока не сгорела, я подожду.

– Кто-то хулиганит, – улыбнулся он. – Заводят таймеры, бывает иногда.

Покупательница кивнула. Игорю показалось, что сочувственно-понимающе.

Он снял крышечки с конфорок – правой рукой с одной плиты, левой с другой. Разрядник электророзжига, терморра – и там, и там.

– Верх у них одинаковый, – сказал Ждан, – в обоих моделях и авторозжиг, и газ-контроль, – он ткнул мизинцем в миниатюрный белый бочонок, затем в металлический штырёк, и накрыл конфорки крышками. – Горелки здесь есть маленькие, средние и большие, – говоря это, Игорь быстро пробежал глазами по значкам регуляторов духовок; и к счастью, сразу же заметил отличие. – Разница в функциях духовки. В этой модели есть конвекция, а здесь – нету. Конвекция – это обдув горячим воздухом, равномерный – хорошо, например, для выпечки.

Игорь присел и открыл дверцу, покупательница присела рядом.

– А эти резинки, – она провела ладонью по уплотнителям, – они надёжные? Я слышала, что трескаются при большой температуре или даже лопаются со временем...

(«А крылья не слишком короткие? – спросила „папина тётя“. – Сможет с такими взлететь?»))

– Скажем так, плита рассчитана на десять лет ежедневной эксплуатации, – рекомендуемый срок для индезитовских плит Ждан не знал, озвучил тот, что для стиралок, – следовательно, и все комплектующие, каждая деталь разрабатываются так, чтобы честно отработать эти годы. В том числе и уплотнители. Они рассчитаны на большие температуры. Переживать не стоит.

(«Я рсисовывал из журнала, – ответил Игорь. – С фотографии. Это же экраноплан».)

«В инструкции есть рекомендации по чистке». «По противням – стандартный набор». «Год гарантии, фирменные центры указаны в талоне».

– Крышку, как я понимаю, вы просто забыли прикрутить? До этого Ждан и не обратил внимания, что у одного из индезитов есть верхняя крышка (поднятая словно забрало рыцарского шлема), а у второго – нет.

– Эта модель идёт без неё, – сказал он, не задумываясь.

Привычка с чепэшных времён: когда не уверен, лучше сказать «нет», про что угодно – крепления, шурупы, батарейки, дюпели. Окажутся в комплекте, будет бонус – вряд ли кто возмутится: «я не платил за них, но вы мне всё равно подсунули!» А вот если наоборот – обязательно слушаешься всяких: «вы говорили, вы обещали, вы обманули»; некоторые были готовы потратить пять-шесть гривен на проезд (не говоря уже про время), лишь бы вытребовать пакетик с копейными гвоздями.

Игорь переписал с ценника название плиты с конвекцией.

– Вот, возьмите. Будут вопросы – обращайтесь.

– Спасибо, – она спрятала визитку в сумочку и улыбнулась. – Всего доброго.

(«До свидания, Игорюша». – «До свидания».)

– Там были полезные энзимы, а тут очень вредные.

Ты можешь испачкаться краской, или захохотать во время каких-нибудь разборов-нагоняев, или опрокинуть пепельницу – всего раз, случайно – и отпечататься именно таким в чьей-то памяти, как на фотографии: «Этот, что ли? Который спит на ходу?» Для кого-то – единственно возможным *тобой*: fool for a second, fool for a life time.

Однажды Игорь раскраснелся, слушая подвыпившую маму на дне рождения кого-то из взрослых (ей было лет тридцать пять, ему – пятнадцать или шестнадцать). «А утром во дворе бабки на меня смотрели и думали: „Где эта пизда шлялась?“ – рассказывала она, подливая сама себе вино. – Банты болтаются, выпускное платье мятое, как из жопы; спину всю в траве вымазала»... Или когда корчил рожи и показывал средний палец своему отражению, не заметив сразу, что в холле есть кто-то ещё... Эти жданы, наверное, так и живут на чердаках и антресолях среди прочего забытого и полузабытого – и теми ожидавшими, и той шлявшейся – где-то там, куда доберёшься лишь под гипнозом.

Впрочем, не обязательно краснеть. Как-то Ждан с лёгкостью (аж сам удивился) ответил искавшим sloboda bank иностранцам: «stay on the road, the last house on the right». Ответ так же лихо ещё десятку заблудившихся туристов (останься в их памяти *собою-знающим-английский*) и поверишь в то, что твой иглиш «очень даже ничего» – будто каждое их «thank you» – это письмо-рекомендация: «Гляньте, у меня тут целая папка».

Вот и сейчас Игорь словно хотел раздать побольше таких *я-специалист* на пожизненное ответственное хранение – им, ей, ему – и лучше не в гаражах-сараях, а где-нибудь на видном месте: в сервантах, на столах и тумбах. С агентшей-покупательницей-индезита, похоже, получилось.

И действительно, она вспомнит их беседу («Хотя с чего бы вдруг, – подумал Ждан, – наверняка ведь обошла с десятков магазинов»), тем же вечером, от и до, по пунктам: вопросы, ответы. И самого Игоря: одежду, причёску, жесты. А ещё – перепишет его фамилию и имя с визитки в блокнот.

– *Держи, – сказал Чижов, – главный источник головной боли, – и протянул Игорю телефонную трубку, – а заодно и хорошее средство для изучения техники: тут постоянно такую хрень спрашивают, что быстро приловчившись отвечать на странные вопросы.*

Раньше трубку должен был носить «кто-нибудь с отдела», но так как «кто-нибудь» означает «никто», трубка ча-

сто оказывалась бесхозной – забытой на терминале или где-нибудь на технике – пойдй найди виновного. В итоге решили назначить ответственного, вполне логично – дежурного (портить день, так по полной). Впрочем, стажёр на то и стажёр, чтобы сплавлять ему неприятные обязанности.

Первый звонок раздался минут через десять.

– Крупная бытовая, – ответил Игорь.

– Болоцкого пригласите.

– Он уже не работает здесь. Может, я помогу?

– Вряд ли, – сказал звонивший, – вряд ли, – и повесил трубку.

В среду из отпуска вышел Нефедов. Сперва Игорь принял его за авэшника или продавца с компьютерного – утром, когда увидел Валеру вместе с Халиным – в проходе возле кондёров. Ждан пожал руку одному, другому – «на автомате»: привет-привет – и побежал на стиралки.

Чуть позже они поздоровались снова. «Новенький?» – спросил Нефедов. «Да», – ответил Игорь.

Только сейчас он заметил, что Нефедов ростом с Чижова, если не выше. Тоже худощавый, с короткой стрижкой – будто старших – и формальных, и неформальных («ты не старший продавец») подбирали по внешнему виду. Правда, на этом сходства Кости и Валеры заканчивались.

– Так что, говоришь, будешь вместо Болоцкого?

У Нефедова получилось одновременно нахмурить брови

и улыбнуться, словно части его лица были партиями-конкурентами в, казалось бы, едином парламенте: «демреформы» – за, «демпорядок» – воздержались. Со временем Ждан привыкнет к этим плюс-минусам, хотя так до конца и не разберётся, что именно значат те или иные «радостные ухмылки», «удивленные возмущения» или – обычно с девчонками – поджатые по-дурацки губы и сверкающий (строим глазки) взгляд.

– Говорю, что стажёр.

– Вот и правильно, – согласился Нефедов. – Хватит нам одного Болоцкого, пусть и уволенного.

– Как отдыхается? – переспросил Костя. – Помнишь слоган аристона? Хорошо быть дома.

Почти весь день Игорь прообщался с тремя женщинами, выбиравшими стиральную машинку. Покупать собиралась одна из них (Ждан не сразу сообразил, которая), две другие – подружки-коллеги, сёстры-соседки – были за компанию. «Тема дня», не иначе – они уходили и возвращались, с новыми вопросами и запросами: «а для белья тысяча двести не страшно?», «пусть будет с дисплеем», «нам объясняли, что объем бочки тоже важен» – наверняка стали такой же «темой дня» и для каких-нибудь продавцов в «Доме электроники», «Цифровом центре», «Мире бытовой техники».

Но купили всё-таки у Ждана. Уже под вечер они при-

шли, так сказать, расширенным составом: с двумя мужчинами, одевшимися будто для шоу – оба в полосатых футболках, только у того, что выше, полосы были вертикальными, а у того, что ниже и толще – горизонтальными.

– Этот? – спросил «вертикальный», кивнув в сторону Игоря.

– Эта? – «горизонтальный» показал на аристон.

– Да, да, – ответили женщины.

А дальше – контрольные вопросы, как в учебнике, в конце раздела: 1. Как быть если отсутствует централизованное водоснабжение? 2. На какой высоте должен находиться бак? 3. Можно ли использовать в частном доме машину с электронным управлением?

Игорь ещё раз повторил, что на входе требуется давление воды не меньше, чем полатмосферы («при меньшем клапан просто не откроется»); что полатмосферы – это высота пять метров до поверхности воды в бочке или баке («объем не принципиален, пусть хоть полкуба, хоть четверть»); что, как правило, считается, что в частном секторе скачет электричество, поэтому и рекомендуют механику, но если с электричеством порядок – почему бы и нет.

...и зачёт – давайте книжку – выписывайте.

– Подключать будете сами? – спросил Ждан.

– Ну да, – сказал тот мужчина, что выше. – Сложно, что ли?

– Нет. Вы только, главное не забудьте выкрутить транс-

портировочные болты. Вот эти, смотрите. Четыре штуки. Они блокируют барабан на время погрузок, перевозок – чтоб не болтался и не побился. А перед запуском их надо снять, иначе будут мешать барабану нормально вращаться...

– А такие болты есть на каждой машинке? – тихо спросила одна из женщин.

– Да, – ответил Игорь.

Женщина и «горизонтальный» переглянулись. Он усмехнулся («мда, блин, Мыша»), она будто засмушалась.

– У нас уже пять лет стиралка, – сказала женщина, – и никаких болтов мы не скручивали.

– Гремит, правда, как бомбардировщик, – добавил мужчина, – а если отжимает, так и вовсе подпрыгивает. Но мы думали, что это – нормально; она же и должна шуметь...

– Не громче лёгкого одно моторного, – сказал Игорь.

(«Пошутил, да?» – фыркала в ответ на такое соседская девчонка.)

Он сходил к терминалу и выписал аристон. «Спасибо», «кассы там». Делегация зашагала по центральному проходу: первой шла женщина-покупательница с заказом вместо транспоранта, за ней, чуть отстав, все остальные.

– Хэппи-энд? – спросил Чижов. – Тебя можно поздравить?

– Да-да. С самого утра, считай, с ними, – ответил Ждан, всё ещё поглядывая на кассы.

Он вспомнил олейниковский рассказ про «карусели»:

«Приходят, выбирают модель, всё отлично, давайте, будем брать, а сами прихватили счёт и на выход. Идут куда-нибудь к соседям, в „Аудио-Видео“, например; и говорят там: вот смотрите – нам в „Европе“ предлагают по такой цене; делаете дешевле, купим у вас. Им само собой организовывают скидку, если, конечно, могут, а они с новым счётом в следующий магазин, или же к нам обратно... И так пока не выжмут из всех максимальные скидки».

К счастью, обошлось без «схем»: покупатель оплатил заказ и подошли на инфо.

– А у тебя что? – спросил Игорь.

– А у меня, – Чижов перекинул телефонную трубку из руки в руку, – ещё два ча-са, – он перекинул трубку обратно, – и от-пуск!

В четверг Костя всё же заскочил на работу (после одиннадцати, опоздав на двадцать баксов): сияющий-отдыхающий, в футболке «Береги воду – пей пиво».

– Позитивная футболка, – заметил Ждан.

– Одна деваха только что в метро прицепилась: «Какую марку пива вы представляете?» Говорю ей: «Девушка, просто люблю пиво». Она минут пять у меня выпытывала. «Вам что сложно сказать?» Так и не поверила, что это – не реклама и не акция. Наверняка сама или мерчик, или пиарщица... Да и разговаривала, знаешь... Если дзэнские монахи умеют беззвучно произносить «ом», то она умеет говорить «вы» так,

чтобы все слышали, что это с большой буквы.

Чижов пробыл в магазине до обеда. Сперва ждал Халина, затем Шквыря, а потом решил, что отпуск – это всё-таки отпуск, и – «разбираюсь через две недели, а сейчас – пить пиво и на пляж» – махнул всем до свидания: «ладно, работайте, не скучайте».

Едва Костя попрощался, к Игорю подошёл Нефедов.

– Идём покурим, – предложил он.

– Вдвоём?

– Сам же говоришь, что стажёр, – интонация была какой-то нейтрально-орешённой, но при этом Валера хитро прищурился. – Под мою ответственность, ну?

– Хорошо, – согласился Ждан. В конце концов, Нефедов – старший продавец, так что – курить с ним, хоть вдвоём, хоть всем отделом – всё равно, что ехать без билета, но со знакомым кондуктором.

Солнце припекало – отличный день, чтобы выбраться, например, за город – домчать в трясущейся маршрутке до коробки-остановки с летним названием: «Липнево», «Купальский» или «Спасовка» (по идее, посёлок, только поблизости ни домов, ни заборов); перейти дорогу, сложенную из бетонных плит с позеленевшими швами; а дальше – минут десять по тропинке, туда, где облысевшая степь (here there be bobak marmot) упирается в водохранилище.

Игорь почему-то стал обращать внимание на всякие мелочи, прежде казавшиеся частью фона: сухие листья возле лив-

нёвой решётки – состарившиеся прежде времени, по-осеннему жёлтые в середине лета; лужу, вернее след от лужи – мокрое пятно на асфальте, которое, видимо уже навсегда – как шрам или татуировка; обронённую кем-то сигарету перед воротами. словно это были корешки на книжной полке – за каждым своя история.

Некоторое время Ждан и Нефедов молчали; один смотрел себе под ноги, другой – на автомойку или тополя. Будто никто никого и не звал на перекур.

– Халин тебя хвалил, – сказал наконец Валера, – что ты быстро освоился и уже торгуешь вовсю.

– Стараюсь, – мирный вариант дэпэюшного «Служу народу Украины», тихий и без бравады.

– У меня вот какое предложение. Тебя ж всё равно ещё в базе нет, правильно? Продажи пишешь не на себя, ничего с них не имеешь... А думаю, хотелось бы... В общем, предлагаю выписывать на меня. В конце месяца посчитаем сколько ты набомбил, и пятьдесят процентов – твои. Идёт?.. Само собой, если по технике какие вопросы, подходи – не стесняйся...

На крыльцо сервисного центра вышел работяга в красном «европейском» комбинизоне. Вытянул из нагрудного кармана – кенгурятника – пачку сигарет, глянул по сторонам. «О! – сказал он, заметив Нефедова. – Валерыч вернулся».

Он почему-то всегда не любил август. Точнее – недолюб-

ливал, относился к нему с каким-то недоверием, подозрением. Когда Игорь был школьником, август означал, что каникулы заканчиваются и очень скоро – снова за парту: расписание, домашние задания, и пейзажи за окнами, становящиеся день ото дня всё унылей и унылей. В начале августа отец спрашивал: «Игорюльник, к школе-то у тебя всё готово?» – и они шли на какой-нибудь «школьный базар», с развешенными повсюду плакатами «1 сентября» и «Скоро в школу», на фоне – падающая листва, звонки-колокольчики и радостные детишки в форме и с раздутыми ранцами.

Серпень, жнивец или прибериха-припасиха – будто подготовка отчётов: тридцать первого – на стол руководителю.

И всё же что-то было в этом августе – в пока ещё только присматривающейся к городу осени, прохладных вечерах («накинь пиджак»); ветре, который – нет-нет, да нагонит плакальщиц-туч.

Ждан хлопнул инструкцией по крышке стиралки, и в ту же секунду в другом конце зала у Лисициной из рук выскользнула коробка с феном.

2. Осеннее равноденствие

Мара – в мелочах: живёт, или прячется, или кроется. Именно мелочи и вспоминаешь – потому что лишь они твои, а остальное – общий план, вид издалека, фотография со спутника – одинаково для всех: утренние симпсоны по «М1» – неважно, смотришь их или нет; строящаяся мечеть на набережной; подземный переход, закрытый с весны вроде как на ремонт; повалившееся на провода дерево.

«Несмотря на прохладное лето, – сообщил в интервью журналу „Бизнес“ директор компании „Ликонд“ Владимир Степура, – темпы роста украинского рынка кондиционеров сохранились на уровне 25%, и этот показатель превышает среднеевропейский».

– Сворачивайся потихоньку, – сказал Чижов, – и без пяти подходи на тот терминал.

– А что случилось? – Ждан провёл тряпкой по люку самсунга и встал.

– Халин будет с Днём строителя поздравлять.

– Чего? – не понял Игорь.

Костя то ли не услышал, то ли проигнорировал вопрос – быстро зашагал к холодильникам, где Малик и Сохацкий, как всегда, о чём-то спорили: «да, блядь» – «нет, блядь».

– Без пяти собрание отдела, – сказал им Чижов.

– Хорошо, – кивнул Малик.

– Опять какую-то хрень придумали, – заворчал Сохацкий, – делать им нефиг.

Ждан дошёл до конца ряда (двоичный код: эл-джи, самсунг, самсунг, эл-джи – шестёрка или девятка) и глянул на время. Пятьдесят четыре минуты – теперь точно пора. Он отнёс тряпку и мистер-мускул на свой терминал и помчал к другому.

Все уже собрались (кроме Сотника, который возился с гофрой – «Костян, хватай его за шкуру и тащи сюда!»), стояли полукругом перед Халиным и ждали, когда начнутся «поздравления». Малик крутил в руках подставку для ценника, Нефедов загибал уголки на переоценочной ведомости.

– Вот что, работнички... – начал Андрей.

– «Работнички» – это клуб такой футбольный, – усмехнулся Шевель, – из Македонии.

– Сейчас, Шева, получишь красную карточку.

– Корпоративную?

– Воротник поправь... В общем, господа, как оказалось, у нас всюю зверствует «тайный покупатель». Сообщили только вчера, а вообще эта акция идёт с середины июля.

– Лучше б нам явных покупателей подогнали, – буркнул Сохацкий.

Отдел поддержал – кто покачал головой, кто цыкнул, кто щёлкнул пальцами.

– Что это такое, вы знаете. Набрать надо не меньше шестидесяти баллов. Ниже означает профнепригодность и получение люлей в виде охренного штрафа. По-хорошему же набрать надо не меньше семидесяти пяти.

– За месяц-то кого-то проверили? – спросил Шевель.

– В основном пока трусили мелкую. Но один, вернее – одна, пожаловала и на кэ-бэ-тэ.

Все уставились на Халина. Он выдержал паузу, заглянул в глаза одному, другому – как офицер в каком-нибудь военном фильме перед тем, как сказать что-то пафосное-эпохальное.

– Проверили Игоря-джана.

Теперь все повернулись к Ждану. Он несколько опешил от такой внезапной славы, даже шагнул назад. Как и тогда, в разговоре с Ларой-«лыжницей», Игорь не связал «тайного» с собой – идёт и идёт, месяц так месяц. И тут вдруг не просто проверили, а единственный кого.

Вспомнилась давнишняя сцена: сырой предновогодний день, навесы, зонты, и случайно – у киоска – старый знакомый. «Слушай, – сказал тот, – мне зачёт один осталось поставить, полчаса максимум, и отметим потом мою сессию». «Хорошо», – согласился Ждан. Они свернули к универу, поднялись на самый верх – товарищ постучал и зашёл в аудиторию, Игорь остался ждать в коридоре. Было шумно: студенты толпились под каждой дверью – сдающие, сдавшие и несдавшие. Среди них – две девушки возле стенда с объ-

явлениями. «Кого-то ждёшь?» – спросила одна. «Его», – ответила другая и показала пальцем на Ждана.

– Наводка была на Сотника, по печкам индезит, но он как всегда где-то шлялся.

– Где я шлялся? – возмутился Димон.

– А сколько я набрал? – очнулся наконец Игорь.

– Восемьдесят пять, молодец. Сдал бы хреново – не проблема, отмазали бы, стажёров проверять не должны. Ну а так... Немного потерял на приветствии, посмотришь анкету – тайная сама к тебе подошла, и поздоровалась первой.

На этом собрание закончилось. «Помогу тем хиппи, – сказал Шевель, – пока они ничего не разбили». «Давайте работать, – сказал Халин и хлопнул Ждана по плечу: – А ты по-годь».

Андрей протянул несколько листиков – анкету. «Дмитрий Сотник» вычеркнуто, рядом – «Игорь Ждан». Едва услышав про печки индезит, Игорь понял о каком эпизоде речь – и не ошибся. «Возражение: уплотнительная резинка лопается при высокой температуре». Будто наткнулся на описание себя в чужом дневнике: выглядел так-то, отвечал то и то. И везде баллы, почти за каждое действие: шесть из шести, четыре из пяти, три из трёх...

Правильные вопросы? Правильная одежда? Всё с вами ясно, Шарлотта Грей.

– И ещё кое-что, – сказал Халин.

– Другая анкета?

– Новый бейджик. В общем, баста-капиливаста, с сегодняшнего дня ты – продавец.

Просто и буднично. Ждан, конечно, не рассчитывал на «посвящение в студенты» или наречение, но услышать какое-нибудь «в добрый путь» от завотделом всё же хотелось.

Мономиф, топ аті

Игорь заменил «стажёр» на «продавец» (смотрите-завидуйте – грудь вперёд, расправил плечи); нашёл себя в базе, сперва на ближайшем терминале, затем – на стиралках: выбрал и-зэт десятую, указал центр ответственности «Ждан Игорь» и распечатал заказ.

– Поздравляю, – сказал Валера.

Игорь вынул листик из принтера, быстро скомкал и бросил в корзину.

– Принёс?

– Да, – ответил Ждан.

Он на всякий случай глянул по сторонам, убедился, что Чижова нет поблизости, и вытянул из кармана список: даты-модели-суммы. Игорь так и не понял, было ли это «выписывание на Нефедова» чем-то предосудительным. Костя ничего не сказал, когда вышел из отпуска – хотя наверняка смотрел свой выторг перед тем, как пойти отдыхать, и сверил с тем, что в итоге вышло за месяц.

Впрочем, Ждан хитрил – выписывал через раз: то на Ва-

леру, то на Костю.

– Не густо, – заметил Нефедов. – Но и не пусто.

Последнее время Игорь про себя называл Валеру «тене-вым начальством» – тот составлял планы-графики-отчёты, разруливал какие-то вопросы с менеджерами и складом, ещё кем-то – вызванивал, узнавал; делал много чего невидимо-го и незаметного для рядового сотрудника; «публичную» же работу (объяснить, например, продавцам условия акции) Халин почему-то всегда поручал Чижову.

– Я посмотрю, – устало кивнул Нефедов, – и вечерком рас-считаемся.

Сучасний український ембієнт

«Теперь, Мауг Ли, – засмеялся Костя, – твоя и моя одной крови».

Пока Игорь был стажёром, существовали всякие «потом» и «со временем» – освоишь, узнаешь, поймешь, попробуешь, осилишь... «Надо будет знать, – говорил Халин. – Надо бу-дет сдать». Время стажёра линейно – завтра означает сего-дня плюс сколько-то, послезавтра – это завтра плюс сколь-ко-то ещё, и дальше, дальше, дальше. От старта и до фини-ша, от начала и до конца. Дни – словно столбики на трас-се: «Сколько ехать-то, не помнишь?» – «Двадцать. Или два-дцать пять».

У стажёра – единственная цель: стать продавцом. У продавцов же – сотни промежуточных: порвать всех в этом месяце по выторгу, дотянуть до выходных, распродать «камни», получить премию, – но никакой финальной. Как бег по кругу: «Что белки хреновы в колесе» (Сохацкий), «Сансара. Сара-сан» (Халин), «И каждое утро начинаешь с нуля» (Олейников), «Помнишь игра была такая – „Менеджер“?» (Чижов).

Или, скорее – «Монополия». «Chance» и «Community Chest» всё-таки ближе «Европе», чем «Сюрприз» и «Извещение»... Круглые сутки, круглая неделя, круглый месяц, круглый год – беконечное поле (читай: безначальное).

В одной из бесед с Фабьеном Уаки Далай-Лама XIV сказал: «Если бы сансара где-то начиналась, то начало должно быть и у Будды, а это уж очень всё усложняет».

(GO)

Иногда Лисицина забегала на стиралки к терминалу. «Можно выпишу? – спрашивала она. – А то глянь, что у нас творится». И действительно, возле их терминала – единственного на весь отдел – всегда собиралась толпа: две параллельные очереди, в одной – сплошь девчонки в красных поло; в другой – подвёрнутые джинсы, подсолнухи на юбке, развязавшийся шнурок – неслучайная случайность, как фокус-группа или люди на остановке.

Оля стучала ноготочками по клавишам, отбивала ка-

кой-то ломанный ритм («Игорян, говори этим с мелкой, чтобы отдел обратно меняли»), печатала заказы – часто целую пачку; и потом почти каждый раз предлагала: «Идём покурим?» – «Идём», – соглашался Ждан.

«Как у Булычёва – всё по одной схеме: герои куда-нибудь прилетают, приплывают, проваливаются. В какой-то мирок. А там – зверская тирания. Ну и суть-дело: устраивают революцию, свергают тирана и мчат домой под радостные аплодисменты освобожденных туземцев... Свобода, хэппи-энд, ура-ура! А что такое свобода? Возможность выбора. Вот туземцам и приходится выбирать. Проблема в том, что свобода заканчивается, когда выбор сделан. И дальше – в лучшем случае скукотища; в худшем – как в „скотном дворе“, всё сначала... До новой свободы и нового выбора... Потому-то люди и шляют по магазинам – всякий раз пытаются ощутить эту свободу, возможность выбирать».

Шёл дождь, и они спрятались под навесом сервиса. Можно было покурить и на центральном входе, даже Ужва махнула рукой: «Чёрт с вами, раз такой ливень» – но там уже набилось столько людей: и продавцов, и покупателей, и просто прохожих, решивших переждать непогоду, – хрен протолкнёшься, – что Оля и Игорь несговариваясь побежали за угол (перепрыгивая ручьи и лужи) к сервису (по скользким ступенькам, придерживаясь за мокрый поручень).

Почему-то пахло рыбой – конечно, не так сильно и явно как на рынке или в каком-нибудь магазине-океане, – и всё же дождь был странным, угрюмым – никакой прохлады, никакой свежести – наоборот, будто бы вытягивал из города остатки воздуха – давил, угнетал.

– Мне так никто и не поверил, – сказала Лисицина. – Короче, была весна – март или апрель. Пылесосы только-только передали от вас к нам. И я каким-то чудом – ещё толком выучить их не успела – продала моющий томас. Вся сияю, подхожу к терминалу и набиваю томас, клац энтером, смотрю – вывалился список самсунгов. Что за фигня? Пишу заново: нажимаю тэ – на экране эс, жму аш – на экране а... Я стою и смотрю на экран, как дура. Потом попробовала понажимать другие клавиши – что бы не клацала, выходит: эс, а, эм, снова эс. В общем, самсунг, как ни крути... Покупатель уже начинает нервничать, стоит, переминается с ноги на ногу. Ещё и Игнатьева подходит, тоже выписать надо – ты её не застал, она где-то в мае уволилась. Я объясняю, что проблемы с базой, надо звонить программистам. Сама, говорю ей, попробуй, я минут десять пытаюсь томас вбить. Игнатьева подходит к терминалу, безо всяких проблем набивает томас. Спрашивает: какой? Отвечаю: моющий. Клац-клац, и распечатывает мне заказ. Держи, говорит, и меньше пронто нюхай, когда полки протираешь. Сучка... Я с тех пор всегда на экран смотрю, после того, как нажму первую букву.

Сверкнула молния – Перун хлестнул плетью проштра-

фившуюся нечисть – где-то там за жэ-ка и усадьбой. Дождь припустил с новой силой.

– Вперёд? – спросила Оля.

– Вперёд, – Игорь бросил окурочок в урну.

Лисицина взяла его за руку. Цитата откуда-то: переглянулись, засмеялись. И дальше – тоже цитаты: сбежали по ступенькам, глядя под ноги, вжав головы в плечи (в одежде под душем), уже не разбирая куда ступать («бля», – черпнул тупфлем воду) – быстрее, быстрее, быстрее – к другим ступенькам... Чёрно-белый ливень: раскрась в свои цвета и мысли – и он станет твоим на все сто.

На входе стоял Шквырь, директор. «Подожди-подожди», – сказал он технику, собравшемуся обратно в магазин. «И ты», – другому. «И вы, тоже пойдите сюда», – двум продавцам у банкомата.

Ждан подумал, что Шквырь собирается вычитывать курильщиков – индульгенция от Ужвы ещё не означала, что грехи будут прощены и директором. Тем более, запрет на курение вдвоём никто не отменял. Так было в институте – официально: «палити заборонено»; однако никто не обращал внимания ни на запрет, ни на нарушавших, разве что иногда кто-нибудь из деканта, зайдя в туалет, возмутился: «окно хотя бы открывайте». А однажды в «курилку» на третьем этаже заглянул ректор. И застал там Игоря с сигаретой. «Вы учитесь у нас?» – спросил ректор. Строго, но не повышая голос. «Да», – ответил Ждан. «Можно ваш студенче-

ский?.. Ага... Игорь Ждан... Хорошо. Идемте со мной». Они спустились в а-хэ-чэ, зашли к начальнице. «Выдайте молодому человеку ведро и швабру, – скомандовал ректор. – Потом проверьте, что он нормально всё там выдраил. И после этого отдадите документы». Слух быстро разошёлся по институту, недели две или три все выходили курить на улицу.

– Вы тоже, – остановил Шквырь Ждана и Лисицину.

Ладонь Оли выскользнула из Игоревой. Она чуть отодвинулась, обхватила свои плечи руками.

– А теперь, – громко сказал директор, – если кто-то начнёт ныть, что у него херовые условия труда... Вот, блядь, – он ткнул пальцем в сторону перекрестка, – смотрите на действительно херовые!

Светофоры не работали. Движением управлял регулировщик в дождевике: поднял руку, вытянул вперёд, повернулся боком... Вода лилась будто из шланга, волнами – как в кино.

– Парня явно начальство не любит, – сказал кто-то.

– Херовые! – повторил Шквырь.

Он был старше Игоря всего на год или два. В двухтысячном устроился в ЦУМ техником-грузчиком, через пару месяцев стал продавцом, затем – старшим, а там и завоом-завом. Сюда, на Космонавта Добровольского его назначили директором, едва компания выкупила цех: откроем – будешь. Ещё немного – и можно в какие-нибудь фокусы-бизнесы, в рубрику «история успеха».

О том, кем Шквырь начинал, в «Европе» вспоминали до-

вольно часто. По разным поводам: и «грузчик, блин, без образования – зато учить горазд», и «тоже техником когда-то, а теперь!»»

*Ждала себя —
(сентябрь, лавка в сквере)
не суетилась, не искала —
Ждала.
Себя – журнал листала.
И, отвлекаясь иногда,
смотрела как другие —
у стелы, у ступенек, у фонтана —
дождались.*

Вечером Игорь впервые увидел Лисицину не в униформе. После работы: тучи прятались за домами, солнце топталось по лужам (как ребенок, чьи родители отвлеклись-отвернулись), а радуга – разноцветный змей – пила воду из реки – наполняла небесные закрома для новых дождей.

Лисицина ждала кого-то на выходе, разговаривала по телефону и кивала уходящим: пока, пока, пока. Как швейцар: «До свидания, всего доброго». Не так давно Ждан тоже побывал в роли такого проважающего («Пять минут, – сказал Чижов, – заскочу в первый, и побежим») – курил в двух шагах от лестницы и будто раздавал напутствия каждому спускающемуся – удачи, счастливо... Оля была в белой маечке (сквозь которую просвечивался бюстгалтер), длинной жёл-

то-красной юбке с какими-то индийскими узорами и тапочках – балетных чешках. Другая Лисицина. А ещё – словно подчёркивая «инакость» – она через слово говорила «мерси» и «пардон», слова, которых Игорь прежде от неё не слышал.

«Пока», – сказал Ждан. «Пока-пока», – ответила Лисицина.

Они будто выключили друг друга до завтра (направили пульты и одновременно клацнули «power») – потому что жизнь продавцов вне магазина – это как краны либхер или танкеры хюндай – знаешь, что есть такое, но особо не задумываешься. Потому что либхер – это холодильник, а хюндай – телевизор или магнитола.

– Это же бош?

– Нет, – ответил Игорь, – это горенье. Словенская фирма.

– Ну завод-то им бош строил. Вы разве не знаете? И вся технология боша.

Спорить Ждан не стал. Если Mandalay «Empathy» продавали как Portishead «Pearl», почему бы не продать горенье как бош. «Не совсем портисхэд», – говорил продавец из киоска на конечной.

– Не совсем, – сказал Ждан.

(ELECTRIC COMPANY)

Обычно Игорь сразу понимал (едва заметив), что свернув-

ший с бульвара покупатель идёт именно к нему. И не важно, стоял ли Ждан на стиралках один, или с Олейниковым, или даже если вокруг «паслось» полотдела. Вот он – твой, к тебе. Чаще всего, несложно было вспомнить *кто* и *что*: этот присматривал морозилку, эта ждала вертикалку канди («Нет-нет, нужна именно такая»), у этого чего-то не хватило для кредита. Впрочем, случались исключения – Игорь видел, что идут к нему (не потому что единственный или ближе всех), но не узнавал.

Так вышло и с тем утренним «прорабом» в полукомбине-зоне с накладными карманами, не по сезону тёплой рубашке, ботинках на высокой подошве, с толстой папкой с завязками в руках («Дело №») – для полноты образа не хватало разве что каски. Он резво прошагал к терминалу, напрямиком к Игорю, миновав ничем не занятого Сашу.

Вообще-то, папка – нехороший знак; правда, скорее у пожилых посетителей (блеяние: «мо-о-олодой че-е-еловек, я принёс план кварти-и-иры, да-а-авайте посмотрим, вот здесь я хочу поставить холодильник, а вот схема про-о-оводки, скажу сра-а-азу – заземления в доме нет»). Этот же был бодрым, вполне себе *in bloom*.

– Здравсьте, – сказал «прораб». – Так, – он посмотрел на бейджик, – Ждан. Продавец. Хорошо, – положил папку на ближайшую машинку, развязал бантик и стал выкладывать акты или справки: листики с подписями и печатями.

Игорь наблюдал за ним, как за какой-нибудь пандой в во-

льере.

– Не-жданый, – пробубнил «прораб» сам себе, – долго-жданый. Гра-жданский, – он выискал среди бумаг потрёпанную тетрадь, повернулся к Игорю. – С чего начинается инструкция?

– Что? – удивился вопросу Ждан.

– Инструкция. К холодильнику или стиралке. Что идёт в самом начале?

– Оглавление?

Игорь подумал, что лучше – ответить (или хотя бы – попытаться ответить). Люди, спрашивающие о чём-то странном, так просто не сдаются. «С мозгоклюями, – советовал Чижев, – лучше не спорить: покивал им, поотвечал на их пришибленные вопросы и аккуратно, потихоньку – до свидания, до свидания, до свидания... Не то весь мозг сожрут». Действительно, не хватало ещё грустной истории, например, про купленную давным-давно печку («Я тогда только женился, и нам, как молодой семье, выделили квартиру в ведомственном доме»), в инструкции к которой («Настоящей инструкции! Не то, что сейчас!») раздел «Подключение» («Что творят сволочи!») шёл за рекомендациями по уходу.

– А после него?

– Описание? Характеристики?

– Не-а, – «прораб» покачал головой. – Ты достань инструкцию, посмотри.

Игорь нехотя открыл люк, вынул инструкцию, пролистнул

«Благодарим за покупку» и «Содержание». Возле заголовка на третьей странице стоял значок «внимание».

– Важные сведения по безопасности, – прочитал Ждан.

– Вот! – засиял «прораб» и протянул руку. – Михал Иванович по технике безопасности.

Будто михал-иванович – это должность, он – по технике безопасности, а ещё есть михал-иванович по логистике, михал-иванович по рекламе, старший михал, коммерческий иванович.

– Сюда пиши фамилию, – показал он в тетрадке, – здесь – отдел, дату и подпись. Это о том, что ты ознакомлен с правилами безопасности. А тут, ещё раз – по электрике. И почитай в инструкции меры предосторожности при подключении, что надо, чего нельзя ни в коем случае...

– Здесь-то мы их не подключаем, – улыбнулся Игорь.

– Техника опасна и перед эксплуатацией, и даже потом, когда её выбросят. Случаи были, когда какой-нибудь шкет забирался в холодильник, дверь захлопывалась, и всё – назад никак, он задыхался. Так, что перед тем, как выкинуть холодильник, дверцу надо пробить ломом, чтобы, вдруг чего, воздух поступал... Как-то по телевизору показывали, в Германии или в Бельгии, не помню, кладбище холодильников – огромное, тысячи стоят – и рядами, и один на одном...

– И что, все с пробитыми дверцами?

– Не знаю, – Михал Иванович пожал плечами.

– Можно на сайты знакомств писать: «Парень, купивший бразильский виртул и эл-джи арт-кул, ищет девушку со схожими вкусами для серьёзных отношений».

(JUST VISITING)

Раз в неделю выпадало дежурство, теперь уже не «идём поможем, заодно расскажу», а обязанность. Такие дни отмечались в графике синим цветом. К девяти часам дежурный подходил на склад, брал список утренних доставок и вместе с кем-нибудь из складских выдвигался в зал – собирать технику. «Так, ребята, вот холодильники, эта стиралка и бойлер с витрины»... Обычно – три-четыре единицы (остальное – удалённый склад), хотя, случалось, что и все двенадцать мест ехали из магазина: «Что ж вам, блин, с удалёнки-то не торгуется?» Дежурный заполнял гарантийки, брал на инфо печать, проштамповывал. Упаковка хранилась в подвале, в полумифических краях (за железной дверью, вниз по лестнице) – Игорь ни разу туда не спускался, – достаточно было записать на бумажке модели и отдать кому-нибудь из складских.

Часов в десять подъезжали доставщики (в каждой газели – водитель и два грузчика), находили свою технику по выданным на инфо талонам («Это наш холодильник, придурок, ваш тот, что в углу») и осматривали – чтобы нигде ни вмятины, ни царапины. После подписания акта – сдал-принял – любые дефекты становились проблемой доставки. Особен-

но дотошным был один невысокий паренёк с повадками гопника, всегда ходивший в чёрной бейсболке найк. Он дёргал дежурного по любому поводу: «Покупатели это видели? В гарантийку впиши, что есть скол», порой даже придирался к технологическим отверстиям (приходилось объяснять, что это нормально – «вот, смотри, в инструкции нарисовано»). Иногда, не поверив продавцу, доставщик сам звонил клиентам и уточнял: видели? знаете? Впрочем, понять этого найка-бейсболиста было легко: мало приятного затащить невлезшую в лифт двухметровую дуру этаж так на десятый, чтобы там клиент вдруг обнаружил вмятину и отказался принимать – «Везите на хер обратно, я ничего подписывать не буду, мне без хрени всякой». Более того – могли и оштрафовать – уронили? платите!

Вторая доставка была в обед – около двух. Снова – свезти из зала на склад, заполнить гарантии, решить, если что, вопросы с доставщиками. В общем-то и всё. Из дополнительных неприятностей – весь день таскаться с телефоном. Из бонусов – сокращенный рабочий день, дежурный уходил на час раньше.

(«Сегодня *ты* к сокобанам?») – спросил Сотник, не отрываясь от телефона).

Товар отгружали в присутствии охранника – он открывал складские ворота и сверялся с накладной: «Стой. Три-

надцать сорок восемь. Есть такое. Вывози»... Грузчики будто разбирали макет сити-центра: высотки-холодильники, гостиница-водогрейка (высокая и тонкая) и архаичная стиралка (в обмотанной скотчем порвавшейся коробке, с торчащими пенопластовыми рёбрами) – памятник архитектуры, случайно затесавшийся в компанию молодых акселератов.

Складом заведовал Изотов, самый взрослый (точно за сорок); единственный не в «европейском» комбинизоне – всегда в хаки-футболке и камуфляжных штанах. По слухам, Изотов «побывал где-то», на войне – в Афганистане, или на Кавказе, или даже в Африке. Правда, никаких подтверждений этому не было, кроме надуманных: одежда в стиле милитари, взрывной характер (вывести из себя его могло что угодно), изредка разговоры типа «пять минут и тепловой удар» и «что ты мне рассказываешь, дальность – восемьсот метров».

Заместитель Изотова – Корсик – производил иное впечатление. Лет тридцать с небольшим, очки, короткая стрижка – инженер, конструктор, в правильном, не анекдотическом значении.

Как звали других складских, Игорь не помнил – они ходили без бейджиков, а переспрашивать каждый раз было как-то неудобно. Знакомые и безымянные. Слышишь, как с инфо объявляют: «Работник склада Герман подойдите к», и попробуй догадайся, что зовут того самого, в чёрной водолазке, который нервничает, если кто-то берёт его тележку: «это

у вас – общие, а у меня – моя; перекладина не гнутая, резинки на ручках нормальные» (на этой тележке потом кто-то нацарапает: «бэтмобиль»).

– Идёмте, – позвал Корсик, – покурим на халяву.

«На халяву» – значит здесь, во дворике: не надо петлять к кассам через встройку, идти вдоль проверки, обменки, сворачивать за угол – пару шагов и ты на месте.

Игорь слышал от кого-то, что «Европе» принадлежит только полоска в метр шириной возле ворот. Остальное – фабричное, а то и вообще terra nullius. Выглядел двор заброшенным, пустыня с редкими оазисами: раскуроченными щитами; мотками ржавой проволоки, сваленными в кучу битыми кирпичами; неизвестно зачем – новенькими листами гипсокартона, прямо на земле. Вдобавок, сине-белый корпус табачки словно отвернулся: сплошная стена, без дверей и окон – не вижу, не знаю.

Корсик встал у ворот, оперся локтем о засов; Изотов присел на ящик возле наружников макквэй (большущих двух-вентиляторных); остальные курильщики разбрелись кто куда, будто и не вместе, как в прачеттовских котошахматах.

Солнце смотрело в сторону – так бывает, когда прощаются или готовятся прощаться – смущенное: «Я буду приезжать иногда на выходные. И на каникулы, само собой». Очень скоро – похороны мух, последний в году гром, уползающие-засыпающие змеи, караван на осеннее равноденствие.

– Присаживайся, – предложил Ждану Изотов. – Чего сто-

ять-то?

– Да ладно, – махнул рукой Игорь.

– Садись, – завскладом чуть сдвинулся, хотя места и так было предостаточно, похлопал ладонью по ящику рядом с собой. – Настоишься ещё в зале.

Ждан пристроился с краю; поставил ноги на выступавший брус, поправил штанины, чтобы не вытянулись коленки.

– Странные вы люди, – покачал головой Изотов. – Хочешь присесть – присаживайся, зачем что-то думать? Все проблемы от этого...

– От того, что стоим и думаем?

– От того, что желания подавляем.

Вспомнилось бабушкино: «Нельзя спорить с организмом. Если чего-то хочется, значит организму чего-то не хватает». Говоря это, бабушка ставила перед Игорюшей тарелку с яблоками, или виноградом, или смородиной: «Не хочешь – не кушай. Пусть просто побудет здесь».

– Желаниям, значит, надо потакать? – спросил Ждан. – Человек и есть то, что он хочет?

Изотов пожал плечами. И отвернулся – сменил одну скучную картинку на другую, такую же.

Сочинять новые вопросы Игорь не стал. Можно и помолчать. Тем более – чего-чего, а болтовни на рознице и так хватало («В ритейле», – поправил бы Халин).

Ждан снова осмотрел дворик и почему-то представил кладбище холодильников, то самое, про которое говорил

Михал Иваныч – тысячи, десятки тысяч – некоторые выглядели металлоломом; другие, наоборот, будто только из магазина, со сверкающими на солнце лэйбами и ручками. И обязательно – с пробитыми дверцами, пусть всё будет по правилам.

– Было дело, – сказал вдруг Изотов, – не забирал пайки очень долго, то забывал, то ещё что-то. А потом – выдался свободный день – почему бы и не сходить?

Он замолчал, будто ждал подтверждения. Игорь кивнул. Действительно, почему бы и нет.

– Нахожу ихнего зава, – продолжил Изотов, – объясняю что к чему. Заведовал там совсем молодой пацан – шустрый такой, и всегда с калькулятором, два на два и то в уме умножить не смог бы. Находит меня в списках, и считает. То-сё, складывает, умножает. Получается двадцать три. Собирает банки, всё в порядке. И тут я решил сам пересчитать, сколько мне положено. Прикинул в голове, получилось двадцать девять. Стоп, говорю, как ты двадцать три насчитал-то? Ну, как же, отвечает он, и давай на калькуляторе пересчитывать. Медленно, показывает мне всё: вот прибавляю, вот умножаю. Потом жмёт «равно» и, ёб твою мать, на экране – двадцать три. Ни фиги себе! Беру листик с ручкой и считаю в столбик, ни хера не двадцать три... Слышь, говорю, дай-ка сюда свою машинку. Знаю же наверняка, что должно быть двадцать девять... Хватаю калькулятор, нажимаю девятку – на экране «тройка», жму шесть – получается «о» с чёрточ-

кой, как у вьетнамцев... Оказалось, что палочка вертикальная не работает, не горит. Вот так и наёбывал нас, на пару с калькулятором-сообщником, – завскладом вздохнул. – Хотя, может и не нарочно.

Он бросил окурок в измазанное краской пластмассовое ведро.

– Это я к чему... Чтобы не было – *глянь в базе, там всё уже провели* – без документа с печатью ничего со склада не уйдёт. Мы тут только бумажкам доверяем. Надёжней средств ещё не придумали.

– Закругляйтесь, – громко сказал охранник. – Я буду закрывать.

– Да погодь ты, – отозвался кто-то со склада, – сейчас машина приедет.

– Когда приедет, тогда и откроем.

– Уже приехала, выворачивает. Вот накладные.

К охраннику подошёл грузчик (из некурящих), протянул бумаги.

– Что тут? – спросил Корсик и тоже шагнул к охраннику.

– Что там? – спросил Изотов.

– Да мелочёвка всякая, но дохренища.

– Наше есть что-нибудь? – поинтересовался Ждан.

– Газовые колонки. Так что – далеко не уходи.

Вообще-то принимать технику должен был или заведомом, или старший продавец, но, как правило, занимался этим дежурный. Даже подпись ставил свою. Принял-фами-

лия-дата.

– Блядь, – усмехнулся Изотов, глядя в накладную. – Ну мы и торгуем. Стингеры, юнкерсы.

Одни – «беспородистые» вентиляторы; другие – вполне «породистое» газовое оборудование.

Утром Игорь продал колонку юнкерс пенсионеру, оказавшемуся, несмотря на все признаки – шерстяной берет (не важно, что на улице ещё тепло), седую бородку, набор ручек в нагрудном кармане – не «профессором» и не «кулибиным».

«Цена, – сказал он, – это не главное. Надо, чтоб хорошая была».

«Тогда – юнкерс. Три модели, на этой полке».

«Тот самый юнкерс? – насторожился пенсионер. – Который бомбардировщики делал в войну?»

«И да, и нет», – ответил Ждан. И пересказал прочитанное в журнале на инфо – «Техника дома» или «Выбираем технику» (их бесплатно приносили раз в неделю): про Хьюго Юнкерса, открывшего ещё в конце девятнадцатого века фабрику водонагревателей (первую в мире); про то, что из-за кризиса в начале тридцатых фабрику пришлось продать бошу; что после прихода к власти нацистов, не поддержавший их Юнкерс был вынужден отдать самолётный завод и все патенты государству – самого же Хьюго поместили под домашний арест; в пятидесятые Львовский завод газовой аппаратуры выпускал котлы по чертежам юнкерса («Мне газовщик рас-

хваливал львовские», – кивнул пенсионер); до конца восьмидесятых колонки юнкерс шли только на внутренний немецкий рынок.

«А чем эти три модели отличаются?»

(«Некоторым, – заметил Чижов, – нужна техника с историей».)

– Туда не влезет! – крикнул кто-то.

– В бабу влазит, а тут не влезет? – крикнул Изотов в ответ.

– *Идёшь сегодня фейерверк смотреть? – спросила Лисицина.*

Самой неприятной работой Ждан считал «мониторинги». Благо проводили их не часто – раз в пару месяцев. Заковыристое словечко означало переписывание цен у конкурентов. Тебя направляли в какой-нибудь супермаркет, иногда – здесь, на Космонавта Добровольского, но чаще – надо было ехать (метро, маршрутка) в один из филиалов; начальство, видимо, полагало, что все соседи друг друга знают: выходят по утрам из одного автобуса, а дальше – кто в «Цифровой центр», кто в «Аудио-Видео», кто в «Дом Электроники»; в обед – снова собираются вместе, например, в «Штурвале»; любой продавец-конкурент увидит тебя в своём супермаркете и сразу же вспомнит; поймёт, что никакой ты не Йозеф

Леман, и не Ганс Будайт: «Шпионим, значит? Подсматриваем? В блокнот записываем?»

Новость о предстоящем «мониторинге» («Всего два дня: кто-то сегодня, кто-то завтра») отдел воспринимал так же, как очередную «волну» тайного покупателя, если не хуже. «менеджерам нужно, им и флаг в руки», «полдня на какую-то херню», «а проезд нам оплатят?» Андрей, впрочем, никогда не обращал внимания на эти замечания и вопросы. «Съездить нужно в „Комфорт“ на Студенческой и в „Мир бытовой техники“ на Спортивной, – спокойно продолжал он. – С каждого – минимум двадцать позиций. Пишем только свою технику». Авэшники рассказывали, что их Левич каждый раз тратил пару минут, чтобы успокоить недовольных: «Быстро смотались, вернулись и забыли. Заодно сделали доброе дело. Полезное... А насчёт того, что кто-то тут бомбит, пока кто-то переписывает – так завтра *они* поедут, а вы останетесь бомбить».

В «мониторингах» Игоря смущало не потерянное время – часа три-четыре («Без продаж, – напоминал Олейников. – Без продаж»); и не сама поездка – временами очень хотелось выбраться из зала (пусть и по работе), особенно, когда день «ни о чём», – смущала какая-то полужагоуальность мероприятия. С одной стороны – ничего противозаконного, статьи «переписывание цен» нет ни в административном, ни тем более в уголовном кодексе; с другой стороны – делать это надо было натихоря, не привлекая внимания, оглядываясь

на охрану – в общем, что-то всё-таки нарушалось.

Проще всего «мониторился» «Комфорт». Тамошние продавцы попросту игнорировали зашедших на отдел. Смотрите, читайте инструкции, включайте вытяжки, выключайте телевизоры, хотите – пляшите и пойте – только не мешайте смотреть кино, дремать и раскладывать «косынки». Даже охранники и те выглядели как байбаки осенью – казалось, ещё чуть-чуть и позасыпают – свалятся кто где («Амёбы», – говорил Шевель. Или «молекулы»).

Корпоративным цветом «Комфорта» был салатный – наверное, в этом и причина всеобщей расслабухи: бледно-зелёные стены, ценники, вывески, указатели успокаивали нервы, располагали к отдыху-релаксу, мечтаниям – но никак не к работе. Да и на покупателей обстановка действовала не лучшим (для продаж) образом – погуляли, посмотрели, отдохнули и ушли. Как выживала эта сеть (два супермаркета и салон связи) – загадка.

Полная противоположность «Комфорта» – «Дом Электроники». К привычным цветам супермаркетов, торгующих бытовой техникой – белому и красному, – здесь добавили ещё и чёрный («Прям, блин, Третий Рейх»). Стоило только вытащить блокнот и ручку, и к тебе подходил охранник: «Уберите. У нас нельзя переписывать цены». Начнёшь возмущаться – выведут на улицу. В общем, приходилось запоминать сколько сможешь, затем выскакивать на перекур и быстро-быстро записывать куда-нибудь. После – снова

в зал... Другой вариант – использовать «технические ухищрения» – например, начитывать цены на диктофон (который, под такое дело можно было взять на а-вэ с витрины); или звонить коллеге в «Европу», изображая семейную беседу: «А ещё есть двухметровый, с одним компрессором, сто́ит две сто пятьдесят. С виду ничего такой. Серебристый – на сотню дороже».

Про «Дом Электроники» ходило множество слухов. Первый и главный – «офигенное бабло», которое там платят: кто-то утверждал, что выходит раза в два-три больше, чем в «Европе». Остальные слухи – о «фашизме»: штрафовали за любую мелочь – перекрученный бейджик, лишние пять минут обеда, частые перекуры; за то, что опираешься на технику или скрестил руки на груди. Более того – «настучавший» получал процент от начисленного штрафа; говорили, что для многих это был чуть ли не основной заработок. Начальство поощряло любые доносы и сплетни подчинённых. Само собой, атмосфера в супермаркетах царила ещё та – продавцы не здоровались друг с другом, общались исключительно по делу – не коллектив, а просто люди, работающие в одном помещении. Неудивительно, что в «Доме Электроники» всегда имелись открытые вакансии.

В «Мире бытовой техники», «Аудио-Видео» и «Цифровом центре» порядки были, плюс-минус как в «Европе» – охрана подходила к шпионам, если те начинали в открытую конспектировать всё, что видят; или, например, фотографи-

ровали ценники. «Будьте добры», «у нас не принято» и «обратитесь к продавцу, он подскажет и запишет то, что вас заинтересовало».

И все её «почему?» превратились в «зачем?»

«Меня, – сказал Сохацкий, – отец всегда вычитывал, если я приходил домой с разбитой мордой. Папа, говорю ему, их было трое, а я никого не трогал, просто хотел пройти мимо. Всё равно, злился он, виноват ты – или спровоцировал, или же показал свою слабость».

Ждала у обменки, неслышно подпевая какой-то песне (наушники-капли), – открывала-закрывала рот, будто выброшенная на берег рыба.

(CHANCE)

Костя часто звал Игоря: «идём поможешь, заодно и посмотришь». Как замазать царапину чистящим средством или закрыть наклейкой с серийником («Девяносто девять процентов решат, что это – марки-пломбы, и не станут срывать»); где искать сертификаты; как снять резервы или поменять номер счёта, войдя в базу под ником заведомо (Халин доверял Чижову такие операции, сообщил пароль – наверное, просто устал по десять раз на день слышать: «Андрюха, поменяй центр ответственности, а то Валерка занят», «Ан-

дрей, плиз, вбей нового плательщика, а то Нефедов выходной», «Нужно скидку сделать, а Валера где-то потерялся»).

Временами Игорь чувствовал себя Костиным заместителем. С той же базой, например. Чижев вводил пароль Халина и говорил: «Сделай, что тебе нужно; продли Малику резерв; и не забудь потом выйти». Получалась хитрая цепочка: Ждан иногда замещал Костю, который (неофициально) замещал Нефедова, который, в свою очередь, был старшим продавцом – официальным заместителем Андрея. Так что, зам зама зама Халина.

Простая и понятная схема: делишься обедом – получаешь сотрапезника, выпивкой – собутыльника, жилищплощадью – сожителя; если же знаниями-навыками (орудиями труда), то – сотрудника. Правда, младшего. Потому что есть такая штука как опыт (из объявлений: не менее одного года, двух, трёх) – индивидуальная, твоя: опыт нельзя одолжить, купить, скопировать, взять... Что? Опытom делятся? Да ну... Типа послушал баек начальника и сам стал начальником? Херня! Это как «учиться на чужих ошибках» – отмазка для тех, кому лень жопу от дивана оторвать... Поваляюсь, посмотрю по телеку, кто и как тупит. Поучусь.

Если было нечем заняться, Ждан с Чижевoм проводили тест-драйвы: сравнивали, какая из машинок меньше шумит при отжиге (болты при этом не выкручивали); проверяли,

на самом ли деле полки с пометкой «safety glass» не бьются, как утверждал Халин (оказалось, что бьются – причём не трескаются, а рассыпаются в мелкую крошку); тестировали сумки-холодильники, диспенсеры, вытяжки, нагреватели.

«Всё технику насилуете?» – спрашивал Олейников, если вдруг оказывался рядом. «Да, Саша, – отвечал Чижов. – А ты вот знаешь, например, запищит ли этот самсунг, когда кончится стирка?» Или: «Да, Саша. А ты знаешь, для чего в бразильских вирпулах эта хреновина?» Или просто: «Да» – и поворачивался обратно к холодильнику, стиралке, печке: «Давай, Игорян, запускай!»

Во время одного из таких тест-драйвов (мучали сушилку горенье) к Игорю и Косте подошёл охранник. Охрана, бывало сбегала с боевых постов, когда в магазине (точнее – на вверенной территории) не было посетителей. Глазели на витрины, спрашивали у продавцов что-нибудь по технике. Чаще всего собирались у колбы поиграться новыми мобильниками.

– Вижу, пацарики, по ходу, вы нормально в этом шурупите, – сказал охранник. Он упёрся одной рукой в бок, вторую – поставил на стиралку; будто хозяин, вызвавший мастеров и решивший посмотреть, что да как – получается, не получается.

Голосом, манерами, словечками секьюрити был похож на того доставщика, что носил чёрную бейсболку найк. «Если не родственники, – подумал Игорь, – значит с одного

района». И сразу представил «пацарика», подходящего вечером к замечтавшемуся посетителю: «Слыш, олень! Всё, ба-ста. Закрывается, по ходу, лавочка. Почесал отсюдава, хэ-рэ дуплиться».

Игорю стоило больших трудов не рассмеяться («Вот ты дурносмех», – говорил отец ему в детстве) – пришлось даже присесть, затянуть шнурки на туфлях, лишь бы отвлечься. Благо помогло – Ждан проглотил слюну, и словно какой-то эко-вэлв перекрыл смеху путь наружу.

– А чё? – охранник почесал подбородок о ворот рубашки. – Это ж зашибись, когда так.

– Зашибись, – подтвердил Чижов.

Нейтральная рабочая интонация, привычная улыбка – но блеск в глазах всё-таки проскочил. Игорь был уверен, стоит им с Костей переглянуться, сказать друг другу: «Ну шо, пацарик, пошурупили?» – и они будут хохотать до самого закрытия.

– Я чё хотел узнать, – продолжил охранник. – У меня стиралка дома. Как вот эта. Или эта. Год назад покупали. И короче, ща чёта случилось. Включаешь, она гудит себе, но нифига не стирает. И бельё внутри не бултыхается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.